

СТРЕКОЗА

**Вологодский литературный
альманах-индикатор**

- Яков Авербух*
- Валерий Архипов*
- Юрий Ганичев*
- Борис Гуляев*
- Елена Волкова*
- Жорж Вандышев*
- Николай Елсуков*
- Виктор Кичкарев*
- Ольга Кузнецова*
- Роман Куфтырев*
- Игорь Мазилов*
- Александра Немирова*
- Ада Панда*
- Руфь Рафалович*
- Ирина Севостьянова*
- Тамара Сизова*
- Наталья Сучкова*
- Павел Тимофеев*
- Даниил Файзов*
- Сергей Фаустов*
- Павел Шаров*
- Талина Щеккина*

В этом номере:

Заоблачный коктейль (Н. Елсуков, Ю. Ганлиев, Н. Сучкова, Ж. Зандышев, Р. Рафалович, А. Пауа, С. Фаустов)	4-5
Стерео (О. Кузнецова «О чайки, отчаянно блэзу» - И. Севостьянова «чайки на крышах отбесных»)	6-7
Стерео (С. Фаустов «Партизаны» - З. Кижарев «Партизанос»)	8-9
Королевство кривых зеркал (Я. Авербух, Ж. Зандышев, Б. Түляев, Ю. Леднев, Н. Сучкова)	10-11
Соло (Н. Сучкова «сажа»)	12
Фразочки (Е. Золкова)	12
Взгляд (П. Шаров)	13
Виртуозная виртуальность (М. Золков «ТРСН ПСТН»;	
Г. Шкина «Поцелуй на фоне грозы»)	14-15
Экспонат (П. Тимофеев «Экспонат»; И. Мазилев «За молоко»)	16-17
Соло (Г. Шкина «Десятая шероховатость»)	18-19
Фокус (Н. Сучкова «Камель-рыба-облако»; Я. Авербух «Заметки о КРО»;	
С. Немирова «рыба-вода-облако»)	20-23
Талон по европам (Обзор издательских новинок Вологды от Г. Сизовой)	24
25я страница (Е. Золкова «Как бы я редактировала энциклопедию, будучи заключенной в дорожном отделении»)	25
С продолжением (З. Архипов «Легкий корабль»)	26-27
Дзэн или дзэль? (З. Архипов - Д. Фаустов)	28-30
Ожерелье цербера (С. Фаустов «Новая волна вологодской поэзии»)	30-32
Ожерелье цербера (Н. Сучкова «Клепачели клинов»)	32
Талон по европам (Обзор издательских новинок Вологды от Г. Сизовой)	33
Поэзия и поэты (З. Кижарев «Ура!»)	34-36
Ожерелье цербера (Ю. Ганлиев «П...ц, или поэзо-функционалистические поэзии»)	37
Последняя страница (Р. Курдюков, П. Тимофеев, Ж. Зандышев)	38
Наши авторы	38

СТРЕКОЗА

Вологодский литературный

альманах-индикатор

№ 1

осень 1998

Редактор - Наталья Сучкова

К III 1275864

Заоблачный коктейль

Николай Елсуков

Н. С.

Уходящие лето жаркое
 Напророчили,
 Легче было молчать загадками
 В одиночестве.
 И теперь вечерами носимся
 За ответами,
 Этой осенью это кончится
 Только это ли?
 Приходящие все по-своему переставили
 Одиночество к одиночеству,
 Память к памяти
 Нет ответов - вопрос изыскивать -
 Только маяться.
 Лето кончилось, осень листьями
 Позабавится.
 Почему этот плач с березами
 Или с ивами?
 Почему белый лебедь - вороном
 С переливами?
 Приходящие мелким бисером
 Рассыпаются,
 Слишком вкрадчиво, даже истина
 Избегается.
 А в бокале твоём разбавлена
 Капля радости,
 Остальное вино отравлено
 Морем гадости,
 Уходящие в строфы звонкие
 Вырождаются -
 - Ведь осенние ночи поутру начинаются...
 Лето кончилось, вот и осень
 Уже кончается,
 Что-то робкое и несмелое подбирается...
 А листва под ногами стелется
 Будто спящая,
 Будто не было, будто сгнули
 Приходящие -
 уходящие...

Юрий Ганичев

Он падал нежно в лоно грязной речки,
 Желая расквитаться без мучений
 С судьбою, что несла одни несчастья,
 И чернотой непроглядной ночи
 Окутала полжизни.
 Головою
 Уже касался он молекул влаги,
 Снующих по свинцовости потока;
 Когда почувствовал, что невозможно
 Уйти вот так легко, не попрощавшись.
 Но вопреки земному притяженью
 Он полетел над меркнувшей водою,
 Чуть задевая полами одежды,
 Изгибы покоренного русла.

СТРЕКОЗА

Наталья Сучкова

Итак, тишина.
 Полоктавы до взлета -
 Сутулые пальцы застыли над грифом.
 Любите нас, боги! Мы так недалеко,
 Но мы далеки от признаний и всхлипов.
 Итак, тишина.
 Но прощаться не будем,
 Ногами всбивать в облака это небо -
 Важнее работу найдете ль, о люди?!
 Итак, тишина.
 Ибо кто бы ты ни был -
 И так тишина.

Жорж Вангъшев

Себе

Я там, куда не падала сопля
 Замерзшего орангутанга.
 И в песнях, спичах и стихах,
 Сдавая фланги оккупантам,
 Я прославляю стон и плач
 Непробужденного таланта.
 Куда ни глянь, один лишь я...

Руфь Рафалович

Эскулап мой ласковый!	А хромая девочка
Я дрожу и млею,	Плачет в три ручья:
Объясниться наяву	«Ну зачем, скажите мне
Так и не посмею.	Вновь влюбилась я?»
И седая девочка	
Плачет в три ручья:	Вишни цвет по осени.
«Ах, зачем на старости	Поздно все. Зачем?
Вновь влюбилась я».	Вспомнить нужно
	заповедь
	Номер семь.
Не черноволос ты,	Но дурная девочка
Даже не высок.	Плачет в три ручья:
Что в тебе нашла я,	«Почему, о Господи,
Знает только Бог.	Полюбила я?»
Но поток соленый	
Льет из глаз:	
«Господи, за что мне	Эскулап мой ласковый!
В третий раз?»	Взор твой прям и строг.
	Что тебе до автора
Для успокоенья	Глупых этих строк,
Встрепаной души	Где рыдает девочка,
Повари варенье,	Ропщет на судьбу.
Вирши напиши.	Хорошо бы девочке
	Полежать в гробу.

Спелый закат устал прощаться
 водную гладь целуя длинно
 не говорите мне о счастье
 скоро осыплется малина
 зрея в запущенной аллее
 под золотым сплящим кругом
 только и ждет что одолеют
 и усмирят лавину руки
 Так переспело все в июле
 льется душистыми дождями
 не говорите вы вздохнули
 неимоверно долго ждали
 Скоро осыплется малина
 пособирать еще неделю
 Век на закате мой недлинный
 думать о вас ли о себе ли

Сергей Фаустов

В подлунном мире мыслей мудрых
 Премудро мыслить с видом умным.
 Не нудно муслить свитки гуннов,
 И тухнут блески мыслей блудных
 В подлунном мире мыслей мудрых.

Не лоснить локти в подлокотник,
 Кусая ногти от голодной
 Привычке к правде подноготной
 Не каждый будет столь безумно
 В подлунном мире мыслей мудрых.

И он с подругой густокудрой
 В шабаше шумном, беспробудном,
 Под звуки гуслей в гуде бубен
 Кутить начнет как полоумный
 В подлунном мире мыслей мудрых.

ZANUDA
 ЗАНУДА

«Что-с обсуждаем?» - «Казачий штосс» Богословского!» Книга вышла попечением союза писателей России в серии «XX век», но автор при этом не побоялся вспомнить молодость, прийти обсудиться в литАРТели «Ступени». Критика автором не усвоена, стало быть и далее будет «не совсем художественная литература» (В. Архипов). Но кое-кем из артельцев Богословский поставлен-таки в ряд мастеров тюремно-лагерной прозы, в котором - Шаламов, Солженицын, Сопин, Довлатов... Мы же - Довлатова вычеркнем - нет чувства юмора. Сопина вычеркнем - поэзии нет. Шаламова вычеркнем - у того жить жутко, невыносимо, а у этого только и жить. Вот

пусть с Александром Исаевичем в ряду и бодаются, тем более что Богословский хоть и не обустроивает Россию, но роман «Деньги» пишет. Едет выступать в Шекснинскую колонию, там оценка будь здоров.

* * *

В этом году трое горячих вологодских парней - Даниил Файзов, Дмитрий Гасин, Игорь Мазиллов - решили покорить бастион литературного института. Их работы прошли творческий конкурс, осталось только сдать экзамены и, если ты заочник - искать три лимона старыми как плату за обучение.

Что касается Файзова, то став КПН - Королем Поэтической Ночи Петуха - он несколько раз публично отказался от высокого звания. Поздно, Файзов, поздно...

Когда верстался номер, стало известно, что Игорь Мазиллов в Москву на экзамены не поехал, Дмитрий Гасин готовится идти на «заочку», а Даниил Файзов - стал студентом дневного отделения. Поздравляем! От него нам и удалось узнать, что «очникам» не только платят стипендию, которая, правда, большей частью уходит на общагу и проездной, но и один раз в день бесплатно кормят, а проснувшимся к первой паре еще и молоко дают! Остается только порадоваться за наше государство, которое не только содержит единственное в мире заведение, где учат «на писателей», но еще этих самых писателей и кормит!

* * *

Вологодская организация союза писателей России во главе с Р. Балакшиным отказала членам того же союза Т. Тайгановой и А. Бархоленко в постановке на учет весной этого года. Татьяна Тайганова, окончательно переехавшая в Вологду в июне 1998 года, обосновалась в Кувшиново и купила усадьбу в местечке Марьинское. Выходами в свет и вообще рутинной она не занимается, сразу начала писать большую критическую работу, посвященную роману уральской Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (роман - номинант «Букера 1997»). Нашим тоже достанется - запланированы Жаравин, Николаев, Сучкова, Щекина. Всего десять, включая конкурсное эссе в Веймар-Берлин. Такие люди в союзе Балакшина и Белова явно ни к чему... Чем хлопать глазами, взять да и накатать бы на гордую критикессу свои комментарии - ан нет, для этого ведь три романа прочитать надо. А чукча не читатель, чукча писатель.

Соб. инф.

О ЧАЙКУ, ОТЧАЯННО БЕЛУЮ

Зелень из тюбика ярче вон той, настоящей,
 Возле скамейки на старом бульваре стоящей,
 Пыльной, заплеванной, жаждой измученной
 вечной,
 Молчащей, почти умирающей, и потому
 человеческой.
 Зелень из тюбика ярче. Так красьте же ею
 заборы,

Пусть поругаются в шелки глядящие воры.
 Но вот ведь - ею рисуют картины,
 Тоскуют и плачут над ними смешные мужчины,
 теряются стены пропахшей листвою квартиры,
 Становятся музыкой старого леса былинны...
 А зелень из тюбика - ярче.

Освободись от всех томящих уз -
 Не больше чем два года нам от роду -
 Дельфинами резвимся средь медуз
 И улыбаясь, рыльцем режем воду.
 Нам гамаком средь звезд морских прибой,
 Богатство наше - солнечные капли.
 Поблескивая лаковой спиной,
 Мы поплывем через пролив на Капри.
 А те, кто нам печально машут вслед,
 В прекрасный миг, ведомые богами,
 Войдут в моря и, сбросив тяжесть лет,
 Вдруг оттолкнутся плавниками, как ногами.

Солнца и неба - море,
 Брызги - икринки песен.
 Тело смешное горе:
 Мокрый купальник тесен.
 Взгляд твой легко украден
 Родиной на запястье
 Камушек с дыркой найден,
 Медлю в ладонях счастье.

От земли, но в лунном коридоре
 Кто-то цедит желтое пиво.
 В чьем-то следе отливает море
 И свинца соленое словцо.
 Песня пьяницы - унылая цитата,
 Фольклористам сладкое питье,
 Серых буден пестрая заплата,
 Чем же заплачу я за нее?
 Свет луны пронзительней и выше,
 Шорох гальки от шагов твоих.
 Отдалилось все и стало тише.
 Бог нас создал, только нас двоих.

Белый свет течет через отверстие
 В мглистом небе. Волосы влажны.
 В краткий миг, когда с тобой мы вместе,
 Зренья кож единственно важны.
 Льют цикады древние тирады -
 Звук вернулся, слово сотворив,
 И толпятся, любопытства ради,
 Рыбы, крабы, в общем, дикари.

Синь бескрайнюю пью глазами,
 Не напьюсь никак, не напьюсь.
 Вдруг о чайку, отчаянно белую
 Я нечаянно уколюсь.

И от дум о высоком и вечном
 Возвращусь к земному - не жаль.
 Чайки в небе - как мост из далей,
 И людей о земле печаль.

Ты будешь ловить на блесну наших местных
 акул,
 Отъявленных хищниц с большими на солнце
 глазами,
 С причудливым носом, лишенных каких-либо
 скул,
 С тигровой расцветкой, размытыми сплошь
 полосами.
 Ты будешь рыбачить. Я буду смотреть на
 тебя,
 Цenia как добытчика, значит, любя как
 мужчину...

Но в хищнице мертвой я вдруг опознаю себя
 Я тоже когда-то носила такую личину.
 По шелесту струй узнавала всей кожей весну,
 Меня узнавали - плотва и малец босоногий.
 Но вот обманулась, попала тебе на блесну.
 И выхода нет. И спасения нет. Слишком
 воздуха много.

Этот листик терпкий так шершав,
 Зря его поцеловала.
 Видно, самой странной из отрав
 Жизнь его случайно напитала.

Не боишься, мальчик? Что ж, целуй.
 Губы тоже будет мучить жажда,
 И виною будет - поцелуй,
 Что ты взял -
 случайно и отважно.

ПАРТИЗАНЫ

Партизан хоть и знает правила ношения оружия, но идет по городу с автоматом. К нему подходят милиционеры.

— Вы задержаны.

— А вот у меня заявление в милицию, я несу сдавать автомат.

— А почему идете в другую сторону?

— Так я в туалет хочу зайти. Могу доказать, что хочу в туалет... Вот... видите? Уже доказал...

Партизан знал, что автомат — одна из принадлежностей партизана.

Зима. Партизан выходит на улицу. Перебегает через дорогу перед машиной и с разбегу попадает в сугроб. На мгновение он чувствует себя партизаном, перебегающим линию фронта. Когда он выберется из сугроба-окопа, то будет оштрафован милиционером. Обидно, думает партизан, ничто не надо делать в одиночку, только в коллективе, в отряде. Разведка — удел одиночек. Но ходить в разведку надо с кем-то.

У партизана будут товарищи. И он будет говорить такую речь.

— Друзья! Я вас очень люблю и уважаю. Если бы во время войны мы были в одном партизанском отряде и немцы стали прочесывать лес, я бы сказал: «Уходите, ребята! Я вас прикрою!»

Однажды ночью в бессонице партизан будет лежать и ради шутки и хорошего настроения, а скорее эксперимента, подтверждающего здоровую психику, он выкрикнет в ночную тьму: «Я вас прикрою!»

Утром жена скажет, что это все кошмары. «Я вас прикрыл, чего же боле?» — подумает партизан.

Партизан выйдет из дома, вскочит в стоящий на остановке автобус и тут же выбежит через другую дверь. Он так сделает, потому что это единственное, что только можно сделать на остановке, пока автобус стоит. Это единственная возможность к месту показать, например, что ты - заяц. Это хороший психофизический тренинг для партизана.

Здесь психология важнее смысла факта, поэтому, скажем, схать зайцем в ожидании опасного контролера приятнее, более того, необходимее, чем факт прибытия к месту. Партизанская романтика. Засада. Естественно, за такую романтику иногда надо платить.

Два партизана сидят в засаде, один другого спрашивает:

— Как надо правильно говорить - феномен или феномен? Ударение на каком слогe?

— Спроси у немцев, - отвечает другой.

Не каждый партизан спросит. Точнее, ни один не спросит.

Есть сотни историй, как партизаны брали «языка», чтобы задавать им разные вопросы. Это гораздо интереснее, чем то, что он, «язык», потом рассказывал. Действие важнее информации, полученной в результате действия. Это и есть романтика. Война осмысленна добытиями «языков». В библиотеках много информации,

ПАРТИЗАНОС

*Мне холодно с вами и скучно,
Дорогая Мимоза, простите,
Отойдите, прошу, отойдите...!
Я хочу для других быть свободным,
Я во фраке сегодня модном,
ВСЕ КОСЯТСЯ НА НАС,*

ПОСМОТРИТЕ !

Я хочу быть Один,

ОТОЙДИТЕ !

*Я фальшивым бриллиантом сверкаю
И прическа моя Уникальна,
Вот проходят богатые леда,
С вами я не уверен в победе
Не хочу больше спать в раскладушке,
А хочу томно плавать в перине,
Хочу жрать по утрам авокадо,
Кокаина для счастья надо!
Хочу трахать служанок пугливых
И стрелять в голубей из винтовки,
И кормить сербернарлов игривых,
И садиться в седло со сноровкой
Ухмыляться румяно-пьяно,
На коне объезжать "Владенья",
Я хочу, чтоб была обезьяна,
Чтобы дома росли растенья
Привезенные отовсюду,
источающие ароматы*

*И во сне-наеву я вижу
И себя представляю богатым!
В дорогие машины плюющимса,
В шляпе, с тростью и в белом Костюме,
Независимым и негнуцимса,
И на палубе, но не в трюме!
Вот сейчас улыбнусь, смотрите -
Завздыхали все дамы тяжко,
Если можно, меня простите,
Вас я очень жалею, бедняжка,
Приласкаю потом, поглажу,
Но смотрите, не обольщайтесь,
Я хочу богатую ЛЭДИ,
Вы же в лордов-буржуев влюбляйтесь
С вами мы поцелуемса позже,
Обещаю кусить вас за нос,
А еще рассказать два секрета,
А пока мы, как два партизанос...*

но она приходит туда сама, ее не завоевывают, поэтому нет романтики. Существуют ли бибромантики? (Партизаны слышали только о «виброманах», получающих удовольствие от вибраций. Но это другая отдельная тема.)

Интересная книга должна начинаться так.

«Колонна немцев на мотоциклах въехала в лес и группенштурмбанфюрер СС (именно он!) крикнул: «Партизанен!» Ответ из леса пришло эхо: «Хенде хох!».

Юный читатель после знакомства с этой интересной книгой спреем рисует на стенах кинотеатра свастику и эмблему СС. Этим он удовлетворяет свой романтический интерес к запретной экзотике. Это вовсе не баловство.

Константин Заслонов удовлетворял свой интерес к этой же самой романтике тем, что одевался в немецкую форму и ходил в тыл врага. Психологическое ощущение быть своим среди чужих важнее, чем истребление врага. Это настоящая разведка. «Успех нашего дела зависит по крайней мере от того, чего мы не делаем» — один из принципов профессиональных разведчиков. Психология здесь важнее дела.

Что создал Юлиан Семенов? Он инициировал создание абстрактных, абсурдных анекдотов про Штирлица.

Штирлица спросили:

- Какой чин вы бы присвоили Гришке Распутину?
- Группенсексштурмбанфюрер СС.

Так возникают радостные взволнованные лица и светлая душа просит больше света, и тьма скрывается, и дремучесть исчезает.

Чапаев и его отряд были по сути партизанами. Чапая и Штирлица роднят смех, анекдоты и любовь народа.

Петька спрашивает Чапая:

- Василий Иванович, отгадай загадку — красный конь скачет в огонь?
- Мировая революция, Петька.
- А голубой конь скачет в огонь?
- Сексуальная революция, Петька.
- А черный конь скачет в огонь?
- А это, Петька, я — кочерга всех революций.

Персонажи Достоевского говорили бы — Чапаев-с.

Про Чубайса — Чубайс-с.

Диалог партизан.

- Чем отличается Чапай от Чубайса?
- У Чапая маузер, у Чубайса — ваучер.

Партизан только что выпрыгнул из автобуса, стоящего на остановке. Он только что реализовал на деле свое убеждение, что психология важнее дела, факта. И произошла у него идентификация своего баловства, как части чего-то целого. И заслонили и заполонили его крутой лоб сексуальные революции и озабоченности, и тронул он в кармане деньги - есть (!) - и засмеялся он свету и облаку, и почти физически ощутил он необъятность, грандиозность своего отечества и всего, что происходило на его просторах в XX веке. И испытал он необыкновенную полноту ощущений, и захотелось петь: еще никогда он, партизан, так хорошо и ясно не видел, не чувствовал, не представлял себе своего места в жизни великой страны, в ее титанической борьбе за будущее. И был он вместе с народом и народ был вместе с ним. И смеялись они вместе.

Справа Фаустов

ZANUDA ЗАНУДА

Однажды на радио «Свобода» прозвучали размышления известного критика Б. Парамонова, живущего в Америке, по поводу Блока (основанные на чтении дневников Л. Менделеевой, жены Блока). Журнал «Звезда», где много лет печатался критик, отказался печатать эти размышления. За Блока обиделся также издатель спецвыпуска «Маяка» «Вологоджане улыбаются» Юрий Леднев. А некто С. Фаустов, поклонник этого самого Парамонова, взял да и отправил на радио «Свобода» номер газеты с репликой на его счет. Придется теперь Юрию Макаровичу без конца слушать «Свободу», чтобы ничего не пропустить...

* * *

Подведены итоги конкурса на лучший короткий рассказ им. В. М. Шукшина «Светлые души», проводимого Вологодским отделением Союза писателей России и областной газетой «Русский Север». Достойных ни первой, ни второй премии жюри не выявило. Три третьих получили рассказы Ольги Кузнецовой (Вологда) «Вертолетное дерево», Юрия Оноприенко (Орел) «За ягодой красной как кровь», Владимира Богомолова (Пермь) «И тогда я буду с тобой». Основными условиями, кроме, конечно, душевной светлоты, являлись малый объем (до 6 машинописных страниц) и неопубликованность. Некоторым авторам, рассказы которых к моменту подведения итогов оказались опубликованы, не повезло именно по этой причине, что не помешало, однако, идейному вдохновителю страницы прозы и поэзии «Слово» А. Цыганову получить «специальную» премию за рассказ «Помяни мое слово», опубликованный в одноименной книжке. Поздравляем победителей!

Соб. инф.

Яков Авербух

И прийти не придешь, и трубу не починишь!
И залется квартира водой в понедельник.
А лежишь ты в подвале, упившийся в финиш,
Мой тупой и прыщавый, мой слесарь-сантехник
Где ты, пьяная падла с болезным желудком,
О твоя теплота точно смесь Петровой!
Приходи, пожалею половником в шутку,
И себя не забуду мне двадцать два ровно
Потому и труба протекает в ванной,
Потому и тону в этих тряпочках-тряпках.
Где ты падла небритый с проклятой прокладкой
И ключом разводным? Да наверно на бл...дках.
Потому не взорвется в гостиной телик,
Что пришел ты ко мне с отможенным ухом,
Я хочу лишь, мой слесарь, мой бог, мой
сантехник,
Чтобы было комфортно, и, главное, сухо.

Яков Авербух

Все дышит, и дышит, и дышит,
Тот клей, что вкусней нет на свете,
И пишет, и пишет, и пишет
Тупые пародии эти.
Бухой верблюдицей несется
В пустыне шальная старуха,
И жду я, когда захлебнется
В песке голова Авербуха.

Жорж Вандышев

От взмаха вашего крыла
Пахнуло пивом,
А там, где раньше я была
Стояли вилы.
А то, что я сейчас без вил,
И вы – без пива,
Многоголосый Гамагрил
Такой красивый.
От взмаха вашего крыла –
Железной дланью,
Чтоб вся музыка истекла
Открытой тайной,
И не болела голова,
И сердце пело,
И хоть не много б прожила
Такою смелой

Королевство кривых зеркал

Наталья Сучкова

А прийти - не приду, но любить тебя буду
До того, как губы сомкну в полусмешке
И крикливому вдруг замолчавшему люду:
До свидания, птица моя пересмешник!
До свиданья, мой ангел, в сиреневых венах
Я жалею тебя - ведь тебе оставаться
А еще я жалею последних и первых
А себя не жалею - мне больше, чем двадцать
Посему - быть тому, что захочет случиться
Посему я тону на пароме сознания
До свиданья, моя не летавшая птица
Да не сбудется это вовеки свиданье!
Потому ли, что дом мой - не эта скворешня
Потому ли, что мир неумен и вчерашен
Потому ли, что птица моя пересмешник,
Я люблю тебя так, что все это не важно

Наталья Сучкова

Все хмурит, и хмурит, и хмурит
Тот лоб, что умней нет на свете,
И дует, и дует, и дует
В бумажные трубочки эти
Тот рот - мир упрямей не знает,
Как кровь, ну куда там больнее!
Все белый туман выдыхает,
И я в том тумане белю,
И жду, как взлетит и завьется
По снегу шальная комета,
Когда наконец захлебнется
Дыханием твоим сигарета.

Наталья Сучкова

От взмаха Вашего крыла
Пахнуло илом.
И там, где эта рябь была,
Я Вас любила.
И то, что Вы теперь – без крыл,
И мир – без ила,
И что никто Вас не любил,
И то мне мило.
За взмахи Вашего крыла –
Лагоною браться
И с пальцев музыка текла
Бордовой краской,
И тяжелела голова,
Струна грожала,
И то, что я была жива
Тогда, пожалуй.

Королевство кривых зеркал

СТРЕКОЗА

Наталья Сучкова

Что же вы прячете все по углам!
 Дайте горячего - этого там!
 Ссытано радугой и под фольгой,
 Надо мне, надо мне - здесь и с собой.
 Этого рыжего, чтобы не зажило,
 Это под крышкою с буквой не нашею,
 Этого горького - то, что на дне -
 Ломтиком, долькою - дайте же мне!
 Солонно-перчено, стрижено-крашено!
 Этого вечера тепло-бумажного,
 Светло-печального света в окне,
 Этого варева дайте же мне!
 Этого - рассыпью, этого - веером,
 Этого - босого, кажется клевера,
 Этого белого из января,
 Чтобы весь склеенный и в якорях!
 Чтобы весь в яблоках и в серебре -
 Надобно, надобно, надобно мне!

Наталья Сучкова

Шаром пепельным, небом Небраски,
 Синим бархатом, теменем в грудь
 Расскажи мне, пожалуйста, сказку
 Уложи меня спать и забудь
 Всех изгибов ключичных, всех впадин,
 Всех дурацких смешков на показ
 Только сейчас, прошу тебя сейчас,
 Со спины, мне не выдержать глаз!
 Что-то есть в этой девочке-флейте,
 Что в отчаянье лупит палас
 Верьте ей, только ей одной верьте
 Впрочем нет - она тоже предаст
 Были в цирке. Ты помнишь - мы в цирке?
 Я глупее, конечно, и младше
 Из заляпанной старой пластинки
 Извлекались какие-то марши
 Рваной раной зачем эти губы
 Кажется раз наклоняются вниз?
 А собаки все падали с тумбы,
 А собаки визжали и жались
 Морды их как по рыжему титру,
 Снег на лапах в опилках испачкан
 Это были, конечно же, тигры
 Только были они по-собачьи
 Тюбетейки, ботфорты и плетки
 - Я люблю тебя. Я... - Не верю
 И какие-то толстые тетку
 Обнимали их рыжие шеи
 Мать козырная, кажется, черви
 Или солнце жует провода?
 Почему вы их жжете, зачем вы?
 Да смотри же, смотри же туда!
 И рассыпало пугру и краски,
 И упало на платья и брюки
 Это небо Москвы и Небраски,
 Как в прожилках шершавые руки.

11

Королевство кривых зеркал

Борис Гуляев

Королевство кривых зеркал

Что же вы прячете там, по углам,
 Как же не стыдно, не совестно вам?!
 Дайте мне этого с соусом красным,
 Этого жирного, белого с маслом.
 Жареной хочется свежей котлеты
 В десять яичек с беконом омлета.
 Дайте севрюжину с хреном и луком
 Этого в банке с изюмом, урюком.
 Дайте салами мне, дайте колбаски,
 Чтобы смакуя полезли глазки!
 Там вон, бутылка с наклейкой «Кирджали».
 Что, утаили, поганцы, зажали?!
 Хочется сладкой помадки с имбиром.
 Нету, так дайте хоть хлебушка с сыром.
 Дайте мне этого, дайте того,
 Дайте же, дайте не знаю чего!

Королевство кривых зеркал

Юрий Леднев

После нескольких бутылок
 Поцелуй меня в затылок
 Со спины я милью «за»
 Но не лезь мне на глаза.

Королевство кривых зеркал

Павел Шаров

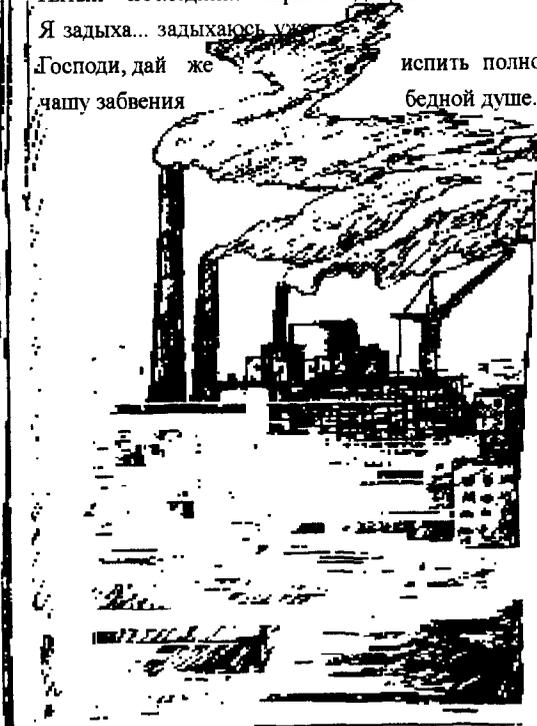
Веют пророческой болью созвездья.
Бродят по городу сны-миражи.
Я укрываюсь в бетонном подъезде.
Я начинаю считать этажи.
Первый - почтовый. По ящикам почта.
Щурятся письма в глазки белизной.
Мне же не пишут давно оттого, что
Знать не желают, что случилось со мной
Лестниц ступени

изрытые оспой.
Черные пятна в разводах белил.
Муторный свет. И крестами погоста
зыбкие тени липучих перил.
Нудная как проповедница муха
глупым брюзжанием сверлит висок.
Справа стена. За стеною старуха.
Жизни у ней на седой волосок!
Если умрет, не заметят и смерти.

Тело отправят в дубовом конверте.
Адрес известен: паленый бугор!
...Я поднимаюсь пролетами дальше.

Я вычислю судьбы гороскоп:
или: смириться с фатальностью фальши,
или: забиться в душевный окоп.
Пятый - последний. Закрытые двери.

Я задыхаюсь... задыхаюсь уже.
Господи, дай же испить полной меры
чашу забвения бедной душе.

Владимир Арнольд

Adobe PageMaker 6.5

Файл Редактирование Макет Текст Элемент Сервис Просмотр Окно Помощь

C:\Mine\Literatura\LitART\strekoza.p65

Михаил Волков

Конкурс!

Сегодня компьютер из экзотики превратился в предмет домашнего обихода. Виртуальный мир таит в себе не меньше интересного, чем мир реальный. А в «Интернете» все чаще можно встретить странички посвященные литературе. На одной из них «СТРЕКОЗА» обнаружила стихотворение «ГРСТН ПСН» Михаила Волкова. Думаем, что в дальнейшем нам также будет не обойтись без «интернетовских» новиннок и находок.

А чтобы доказать, что Волгодда в деле освоения новых технологий не отстает, «СТРЕКОЗА» объявляет конкурс на лучшее творение, каким-либо образом касающееся компьютера. К участию допускаются произведения без ограничения объема и жанра, единственный критерий отбора - художественные достоинства.

Победителя конкурса ожидает приз - его творение «СТРЕКОЗА» забросит в www и, конечно, опубликует на своих страницах.

Первый конкурсный рассказ - на стр. 15

ГРСТН ПСН

Не наслушался бы я ВВС,
Не навиделся бы я CNN,
Жил спокойно бы сейчас в СНГ
И закончил бы уже ПТУ.
И работал бы себе в АХЧ,
И в какой-нибудь вступил ЖСК.
Вечерами бы смотрел КВН
И ходил бы за отгул в ДНД,
По субботам брал пивка с ДДТ,
После драки попадал в КПЗ -
Все ж роднее МВД с КГБ
Это вам не ЦРУ с ФБР.
Отслужил бы я свое в ВВС,
Потаскал бы пару лет АКМ,
Полечился б, наконец, в ЛТП
От привычки потреблять ГСМ.
Но покинул я родной СНГ
И сижу теперь в таком ДРМ -
Всей-то мебели - кровать ДСП,
Да и та, как оказалось, б/у.
Ну а кто-то там купил JVC,
А другие IBV с VGA,
Разъезжают, подлецы, в BMW,
И работают, поди, в LTD
Эх, достать бы на денек БТР
Да принять для куражу ЛСД.
Я разнес бы все к таким ЕБН -
Позавидует сама ООП.
А пока что докурю я БТ,
Почитаю пару глав из УК,
Завалюсь на ДСП зпт
И забудусь тяжким сном тчк.

Мхл ВЛКВ, к.т.н., н.с.

«СТРЕКОЗА» благодарит за помощь в подготовке рубрики
Андрея Зюкова (Финляндия)

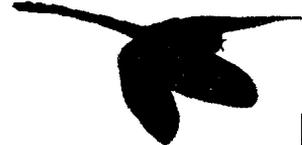
А П 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16

Пуск

S3 VManager

Adobe PageMaker 6.5

22:33

Галина Щекина

ПОЦЕЛУЙ НА ФОНЕ ГРОЗЫ

Однажды Зимин, не любящий дикую природу, попал на загородную вылазку. Компания была слишком большая и он скоро отделился, и отделилась с ним молчаливая девушка, с которой никто не разговаривал. Все пили, хохотали, падали на траву, короче - жили в полную силу своей бешеной юности, а эта девица в длинной юбке, в джинсовой панамке, с самошитым рюкзачком, кажется, Нудьга ее фамилия, сидела, точно в зале ожидания. Зимин потащил ее за руку в кусты и стал расспрашивать, о чем она все мечтает. Спустившись к воде, они наткнулись на коров, которые пенно мочились в голубую речную волну. Тем временем полил дождь, а они не заметили, как откололись от своего бивака и побежали под деревья. При ударе грома стало понятно, что деревья не спасут и они панически забежали в деревянный домик малой площади и спиной друг к другу выжимались. От холода их бросило в объятия, вот и познакомились. И тут Зимин увидел, что у нее радужки глаз сиреневые как фиалки, цвет даже немислимый. И оказалось, что они под грозой обнимаются в домике, который туалет.

Будучи скромным лаборантом и имея доступ к запчастям, он, Зимин, сам себе делал компьютер, работал увлеченно и его компик азартно наращивал характеристики. Ведь когда память ничего, то есть где развернуться. Саунд бластер, колонок четыре, SVGA самый большой, на дисках разнообразные текстовые и фото-редакторы, геймы и любопытная психодиагностика. Когда являлась девушка с фиолетовыми радужками, Зимин бромтал «сейчас-сейчас», все еще лазая по конфигам и аутоэкзэкам. Девушка Фая Нудьга так и не разговорилась с летней вылазки, она просто бралась прохладной ладошкой за его плечо, а он, приручая одной рукой бегающую как лошадь, дико скачущую мышь, другой рукой прихлопывал эту ладошку. И понимал - молчаливая скво, это мечта любого мужчины - «сейчас, сейчас»... Все бросалось на полпути. Оставался хранитель экрана - заставка с Робинзоном - он маялся на своем острове, скреб макушку, смотрел на них насупленно и требовательно.

А они садились на диван рассматривать ее картинки, она страшно любила их вертеть по часовой и против часовой, наискось да издали, Зимин даже боялся, что она окосеет. Она и училась, и ходила в студию. Зимин бегло комментировал, и опять устанавливалось молчание. Было понятно, что пора. Зимин кусал губы - островитянин метался по острову, хрустя ракушечником. Зимин ронял альбом - островитянин кидал в море бутылки. Зимин расстегивал - островитянин кричал как дурак, бросая кокосы с пальмы. Фая Нудьга начинала мелко дрожать от смеха... Островитянин неистово ждал яхту... Яхта проплывала мимо и он, пьяный, снова выходил из-за своей пальмы. С бутылкой. Хрустел, кричал. Их все время было трое. Он, она и хранитель.

Да нет, это никого не смущало. Но все-таки Зимин вскочил и погнал незадачливого хранителя. Может, у него ночь настала на острове...

А когда глухо и грозно зашумело море, обдало брызгами и музыкой Вангелиса, полураздетая Фая Нудьга медленно обернулась и заворуженно уставилась в дисплей. «Еще», - прошептала она. Зимин понял, что у него есть сильный союзник. Дело в том, что девушка не оказывала ему никакого сопротивления. Но она приходила не тогда, когда ее ждали, а когда ей самой хотелось, она была слишком независимой. Это сбивало с толку. Поэтому она могла не прийти сто лет и Зимин, замерзая сердцем, начинал уже куда-то звонить. Потому что обнимать девушку на фоне грозы больше не случалось. Это острое ощущение закаляет. И девушка в этой ситуации воспринимает тебя спасителем мира. Кругом гремит так, что нервные окончания вибрируют, звук идет на квадрат, а посредине этой стихии хрупкое тепло.

Так думал Зимин о своей девушке. Слишком много приходится работать, слишком мало остается времени на радости жизни. И ничего, что не одни. В кинозале, электричке, кафе - статуи замерзших в поцелуе людей. Это же никого не смущает, наоборот - такое впечатление, что вы в Париже.

Тогда Зимин занялся «телохранителями». И когда неуловимая мучительница снова села на диван рассматривать свои картинки насквозь, вдруг ударил гром. И ничего, никакой музыки. Только гулкий дождевой шорох, треск листвы, плеск и рев воды. В комнате сразу стемнело. Лес во время грозы. Или та река на вылазке. «Рэвэ та стогнэ Днипр широкий.» Нудьга - это значит тоска?

Когда Зимин стал пробираться по малой жилке к уху, сверкнула молния по гигантской диагонали - и опять гром. Обнимать девушку на фоне грозы непередаваемо. Трепет единственного мига. Сигналы идут с неба. Она боится, она вся в твоей власти и ты почти всесилен. По крайней мере сегодня, когда она из-за погоды не может уйти и остается на ночь.

Владимир Другов «МЫЧАЩАЯ»

Павел Тимофеев Экспонат

Унижен, иду семеня, почти уничтожен.
 Дело смешано с прахом, тело раздавлено болью.
 И все же боятся меня, хотя я стреножен.
 Смотрят со страхом вслед мне глаза-уголья.

Я знаю, внутри двора меня ждет ловушка.
 Друг мой вчерашний куплен, труп завтрашний продан.
 Завтра к восьми утра я словно подушка
 Набит буду пухом и выставлен для народа.

С вывеской - "Дикий конь". Меж музейных клячек,
 Глазом стеклянным в пространство, вечности удостоен.
 И вот среди зевак стоит он, мой наследник, мой мальчик.
 Ну что же дальнейших странствий тебе, теперь я
 спокоен.

Белый туман-дым.
Деревья застыли и кажутся неживыми.
Ветер забыл дуть, черт с ним.
Я, кажется, забыл свое имя.

Туман вполз в мозг.
Я не знаю зачем встал так рано.
Кажется выпить. Что? Чай, морс?
Или читнуть наугад из Корана.

Открыл с конца - "Слон."
Интересно, что он забыл в этом тумане?
Никак не заснет? Влюблен?
Брошен меж буквами и домами?

Колет строка-нож.
Коран не причем, просто я стал уязвимей.
Белый туман, ты меня спасешь,
Пока я свое вспоминаю имя?

Тает туман. Жаль.
Память открылась ранами ножевыми.
Слон, подняв хобот, идет вдаль.
Я начал вспоминать свое имя.

Фраза, слышанная случайно,
Всплыла в мозгу как пророчество.
Странный вечер. Луна и чайник
Развлекают мое одиночество.
Мысли насекомоподобны,
На любое свечение слетаются.
Назойливы, но не столь уж злобны.
Дней минувших слегка касаются.
Кадры воспоминаний ярки,
Меж собой не стыкуются.
Мелькают степи, города, арки,
Бутафорские серые улицы.
Персонажи совсем некстати
То с рогами, то в белых перышках,
Постоянно живут в прокате
Все одного и того жеактеришки.
Признавая в том длань божью,
Нравится мне иль не нравится,
Меж жизнью прошлой и ложью
Можно смело ставить знак равенства.
Пусть звезда подмигнет, потухнет,
Слетит с неба, в траву закатится,
Но все кончится той же кухней
И все кончится этой пятницей.

Игорь Мазилев

ЗА ШОПОКОМ

10.00 утра. Пойду за молоком. Жена попросила купить. Как на улице—то хорошо! Деревья в снегу и не холодно. Красота! Время есть: зайду к Сашке.

10.30. — Привет, Саня!
— Привет.
— Ну, как оно?
— Да ничего, хорошо.
— Уютно у вас, хорошо. Саня, а может, пивка?
— Давай.

Сходили за пивом, посидели. Красота! И жить, как говорится, хорошо, и жизнь тоже ничего.
— Ну, я пошел.
— Ну давай. Забегай еще.

12.15. Витрины, троллейбусы, дома, выставка какая—то. Нужно глянуть.

— Что выставляем?
— А вы кто такой?
— Прохожий.
— Вы что, читать не умеете? Тут заседание Думы.
— Надо же, а я—то подумал, что выставка достижений народного хозяйства, отягощенная продукцией ликеро-водочного завода. Пойду дальше.

12.30. Троллейбус, пятерка. Как раз до Ольги. Прокачусь.
— Ваш билетик.
— Мне не нужно, а вам?
— Вы что, с ума сошли? Я контролер! У меня проездной.
— У меня тоже (показываю).
— Только головы людям дурят!
Вот и поговорили. Остановка.

13.00. — Привет, Оль. Ну, как оно?

— Ничего. Зайдешь?
— Да я на минуточку.

17.20. ..Оль, когда в гости зайдешь? Приходи в субботу. Мои все в деревню едут на два дня. Ну что, приедешь? До субботы. Пока.

20.00. Вокзал. Поезда. Как давно в Москве не был. А там лучший друг, служили вместе. Здорово было в сгонять туда. Кассы.

— Один плацкарт до Москвы. (Эх, денег на молоко не останется. Что жене—то скажу? Ладно, у Кольки займу, куплю молока.)
Купе, чемоданы, кока-кола, колбаса в газете. За окном леса, поля, столбы и снова леса..

07.20. — Привет, Коль. Как живешь—то? Как кто? Да я это! Ну! Да вот тут из метро. Так я поеду? О—кей! Все, выезжаю.

08.00. — Здорово! Какими судьбами? Три года не приезжал! У тебя что, отпуск?

— Да нет. Жена за молоком послала, вот по дороге решил к тебе заглянуть.
— Ну ты даешь! Давай сообразим что—нибудь?

— Ну давай. Только недолго, а то я не сказал, что к тебе поехал.
— Нет, ты что, серьезно?
— Ну да.
— Во дела. Ну тогда в супермаркет, ха—ха, он поближе.

Трамваи, нищие в переходах, Колька ржет всю дорогу. Замечательно!

06.10. — Свет, открой. Ну, Светик, извини. Ну, сама же послала за молоком. Я купил! Вей не пойду больше по магазинам. Три года не ходил, ты все — «сходи да сходи». А тут сходил, тоже не нравится. Ничего не понимаю! Светик, открой.. Как больше не живет?..

1275864

Галина Щекина

ДЕСЯТАЯ КСЕРОКОПИЯ

(из серии «NON-STOP»)

Как дух перевести? Сестра твоя с улыбкой не слушала меня, и не вникала в рецепты, а листала тихо вирши... В то лето как обвалы - яблок горы, и уродилось их так много - невозможно - что кончился весь выкупленный сахар. Теперь то избылье поиссякло, разросшиеся кроны стали крышей над маленькой землей, на грядках пусто, и на деревьях... Стихло бушеванье - в тазах вскипали пеной соки и варенья, не успевало солнце утонуть в закате - повидлом солнце яблок застывало.

Тебя звала на яблоки приехать, варила бы компоты! Но губами прикинув к банке с пивом, - мне? работать? С улыбкой ты журнал читала рваный, на даче их поболее, чем фруктов. Неурожай на яблоки - к разлуке, ты любишь пообщаться без напряга! Лукавые приволжские ленивки, княжны в веснушках и в посадке шеи, нельзя серьезно с вами, выйдешь дурой. Особенно с любовью - ты смеялась до колик в животе над чьей-то страстью, но приходил черед тебе - вздыхала и шла ко мне поспрашивать забытость.

Ты гордо мне звонила: «Бибколлектор? Мускат мы любим розовый, французский, аперитив из клюквы слишком грубый, нужны лишь натуральные, с букетом...» «Букет Молдавии»? - гадала я. Но веник советовала ты поставить в вазу. Вхожденье в драму чувств в библиотеке, цитаты из Донца и Пастернака.

Ты усмехалась тонко: да, была с ним, и это подтверждение потери... Неужто на столе все стало ясно?! Рабочий стол тактично исключая, мы прятаться пошли с тобой в подвалы, а там воняло кладбищем подшивок «Известий», «Правд», и «Севера» впридачу. Сесть было негде: ломаные стулья, да стеллажи, но чокнулись уютно. Воистину, остановись, мгновенье, лишь мир любить начнешь, как раздастся за окнами подвала вой сирены! Виновен бархат, следствие застолья, не стыдно ль чудачкам, столь энергично с автобуса сгружавшим неликвиды?.. Открыть в подвал пудовые ворота приходит вдруг директорша! Узрела - что вместо неприятия рутины в культуре перевернутые сейфы, бальзам «Алтайский» в кружках. «Не хотите? Букет достойный». - «Ноги в руки, быстро. Подумали б о завтрашней планерке, бюджеты отощали, население - в депрессии, а вы...» - «А мы готовы жить и не видно, и не слышно. Исчезаем».

Издание газеты по искусству продумывала ты на сохраненьи, Эммануэлю чрево будоража ведущим докторам на удивленье. Приспичила проплата типографий - продать пришлось увы, не только серьги, и бегать по ночным микрорайонам расписки и заемы умножая. Слезамы незадачливый редактор оплачивала светлую идею... Идеино ты опять не пожалела ни ветчины, ни водки, ни карманных у мужа в шубе найденных зачек! Отныне, приглашая жарить мясо, ты, номер набирая, нежно пела: «Начальник производства? К линотипу!»

А ставши безработной, приходила работать домработницей к тебе я. Ты звякала учтиво: «Психбольница?»

Прописаны ли вам сухие вина?»
 Белья опять не стирано, нет каши,
 и дома недостатков сколько хочешь,
 полопались и стены, и ботинки,
 и двойки в ранцах. У тебя младенец,
 пленки надо быстро на «малютке»,
 картошку чистить к вечеру и утру...
 Еще давала масло и ветчинку,
 совсем уж баловством казались деньги...
 Домой меня везли на иномарке.
 Ты знала, не возьму субсидий прямо.
 Когда сестрица с Волги приезжала,
 то привозила свитера и куртки,
 не годные ни вам, ни вашей маме,
 что замуж вроде вышла за кавказца.
 Когда ты отдала плиту мне - знаю,
 недешева была, но ты в уплату
 просила лишь капустки малосольной.
 Короче, выполняла роль комбеда.

В ответ на помощь злилась я: «Не пишешь!
 Не любишь, не работаешь над словом.
 Вот что у нас главенствующее в жизни?» -
 «Оно же. То и дело, по-любому.» -
 «Так и писала б! Все уж сочинилось!»
 «Пишу как будто повесть «ОноНасы».
 Я тут же всем рассказывать! И снова
 стирать пленки, чтоб поклянчить тексты.
 Тебе никак не вспомнить, что же надо.
 О чем в статье малькало: «Разговоры
 ужасны после первой. Чтоб не портить,
 ухотелось обещать - ну что угодно.»
 Однажды на пирушке новгородной
 кадрил твой муж молоденькую в брючках,
 кадрили все и всех, а муж мой два костюма
 надел, все ржали сильно, но одна я
 тебя ругала, что «талант зарыла в землю».
 Я мало ела куриц, выпивала -
 в заботах о большой литературе.
 Деваться было некуда, ты грустно
 глотала все остатние напитки,
 рыдала вкусно, и платок посадский
 пропах слезами вместе с «Амаретто».
 Наутро я панически звонила,
 искала примирения, а ты же
 с планерки позвонив по телефону,
 упала в хохот «пьяности поллюций»...
 Похмелье ужасало, ведь держалась
 на том лишь репутация шутницы,
 что требовали массы повторенья
 пародий, сочиненных на пирушке:
 «А это как, а это?» - «Ах, увольте!
 На творчестве чужом я расцветаю,
 И моего ни капли нет! - отбилась -
 Потомки это вычислят, надеюсь».
 Ты как Довлатов, если бы писала
 (Довлатов твой любимейший писатель),
 как яблочко от яблонь... Сочинила
 порядочно пародий на подругу,
 меня узнали только от тебя.
 При этом ты фальшиво обескуражила
 сияющие глазки: я вторична,
 десятой ксерокопий подобна.
 Но копия ценней оригинала!
 Писала ты меня, и я писала,
 и так мы жили дружно много леты,
 известны уморительным дуэтом -

(потом явилось много «Академий») -
 один короткий, глупый - это я,
 другой длиннобудылый, умный ерник.
 Отстреливаясь по-великосветски
 на вечерах, врагами предстали,
 особенно в тот раз, когда давали
 нам зал переговорной прямо в центре.
 Сидел там финский автор и предтечи,
 ты крикнула, что это партсобранье
 пора прикрыть на фоне красных плюшей.
 Все поняли - конечно же, богема...
 Богеме же, естественно, все можно.
 И снова телефон очередями-
 «Приемная родилки для талантов?
 Склады утилизации нетленок?»

Когда ты выходила на подмостки,
 все падали от смеха и рыдали.
 Смущаясь, ты дежурно бормотала
 - «смотрите на меня, друзья, смотрите» -
 и вечер был спасен. Спеша, мужчины
 считали честью щелкнуть зажималкой.
 Сушились тихо лифчики в прихожей
 как фон для лучезарнейшей улыбки,
 есть фото, подтверждающее это
 (оставлено на память для потомков).
 А после операций ты «Плэйбоем»
 лечила полбольницы увлеченно,
 следы усекновений - дрожью смеха.
 Все заживало неприлично быстро.

Ты, скажешь - что за бред сивой кобылы,
 но я уже просила помириться,
 а ты высокомерно: «не ругались».
 Мы не ругались, ссорило - оно же,
 которое нас то и дело, всяко...
 Ты позвонила мне и рассказала,
 как били благоверного об стенку.
 А если вдруг колотят человека,
 что пил со мною десять лет на даче,
 и лекции читал про мудрость джина
 (лет через пять влюбилась я в джин-тоник),
 и курицу на вертеле мы ели,
 и выходили бродом через речку
 пугать литературно одаренных,
 а сами просто пьяные и в плавках?..
 Ты говорила - за долги досталось,
 и я, конечно, ринулась на помощь.
 Пропали деньги, кончились острооты.
 Все умирают надо мной, все вертят
 у своего виска прозрачно пальцем,
 но мне-то какво, не разбираюсь,
 не спрашиваю, надо ль, просто «нате!»
 Ну как дрезина мчу узкоколейкой,
 за то, что был порыв - уж наказали.

Как хорошо проснуться, позвонить бы,
 услышать бы: «Зачем опять смешала
 и пиво, и коньяк? Я понимаю,
 что «Балтика» сойдет. Но этот портер!
 Его хлебают только проститутки!»
 И смаковала б пиво в рассужденье
 о «Яме» Куприна, об эротизме,
 о классике, усвоенной с рожденья...
 Твой телефон я часто набираю
 звоня десяткам и чужих, и лишних,
 и тут же трубку брошу, как услышу:
 «Приемная писательских союзов»...

**ZANUDA
ЗАНУДА**

«Чудовищный цветок»

вырастили на своем литературном балконе две дамы, разные по возрасту, но равные по уму, и обе занявшиеся не своим делом. Н. Сучкова зарекомендовала себя как андеграундная поэтесса, автор двух поэтических книг, а здесь решила комментировать чужие стихи. И делает это подчеркнуто вяло, рефлексивно, стихов и не читая. У нее, конечно свои ассоциации, мысли, но в самом деле они навеяны данными стихами? Или это, так сказать, монолог для себя?

Г. Щекина, наоборот, сносно владеющая прозой, решила показать свои стихотворные опыты, устаревшие лет на десять. В результате сплелась коса, где третьим жгутиком стали рисунки А. Шемякина. Бесспорно, это лучшее, что есть в книге. Аналогичные примеры мы видим часто - Е. Москалева в книге «Одинокая свеча» использовала работы В. Корбакова и А. Савина (благодаря им заодно и стихи прочитают).

Пришлось и здесь читать «заодно», чтобы понять, откуда такой заголовок - увы, стиха ни с этим словом, ни с этим образом нет. Образ заемный, он взят из стихов М. Цветаевой, которую никак не оставят в покое, устраивая подобную коммуналку.

Способ соединения стихов по принципу поэмности имеет право быть, но если во второй части книги это материализовано четко, то в остальных двух частях нет ни намека. Надо было поискать сквозную идею, объединяющую все стихи.

Окончание на стр. 28

Рисунок Шемякина (из книги «Чудовищный цветок»)

Наталья Сучкова

КАМЕНЬ-РЫБА-ОБЛАКО

Когда я садилась за стол,
Невинность листа блюда,
Я знала - поэмы гор
Написаны для меня
Истории всех измен,
Всех опытов и любовей
Написаны лишь затем,
Чтоб мне написать другое

И
так говорил Заратустра
А также другие и прочее
И можно понять это узко,
Оставив одни многоточия,-
Мол,

если ты любишь, то долго ль любя,
Купиться на изыски строк
Мол нужен всего лишь отросток тебя,
Засунутый между ног
Но

здесь бродят люди не то чтобы,
А просто - для описания
На легкие тени похожие
Словно зверье из сказания,
Где
те многоточия терпят крах
Безграмотность всех пособий!
Здесь бродят люди красивые как...
Один среди них особенно

Кожа Ваша - золотая печать
Самым загорелым лоскутком ладони
И можно заставить ее излучать
Шероховатость найденного на склоне
На южном склоне горы Маура
Белого гриба на пузатой ножке
Иногда мне кажется я - Лаура
День и ночь думать о чьей-то коже
А мне бы жить в затопленной Праге
Секретуткой в замшелом бюро труда
Раздобыть миллиметровой бумаги
А впрочем бумага и та ерунда
Ерундой ерунды гуси-лебеди вроде бы
Четвертинкою лезвий разъяв карандаш
Изучать на щеке чужой рану-родинку
Создавая растерянность и пейзаж
Стебельков от вереска и ущелий

Переходов тона в полутона
Пробираясь по валунам и щебню
По височным впадинам и рву рта
Пробираясь медленно и похоже
На лубочную парочку в старом кино
Изучать излучины этой кожи
Точно фрески, росписи и панно
Холмогорской смальтой сплошных мозаик
Изумлять измученный белый свет
Говорить на публику - мол прозаик
Для себя додумав что вдруг поэт
Для себя додумав что вдруг поверят
Описанию этой мнимой травы
На тропе с огромным лохматым зверем
Повстречав которого вздрогнешь: Вы

Каждую клеточку этой кожи
Я изучала с холодностью камня
И равнодушие понукая
Лоб окуная в воду и в прошлое
Гладила, гладила кожей о кожу
Гладила, гладила камнем о камень.

Камни мои!
Черные камни.
Что если их
Трогать руками?
Сквозь сны и стуки
Упражняться в вере
Станут ли руки
Тогда нежнее?

Рыбы стоят на камнях -
Ищут берлогу - от солнца скрыться
И посредине их я
С суетою вечной сердечной мышцы
Боже, не много ли было людей
И непреложного - им больнее
Рыбы стоят. Их стоянье нежней
Тысячекратности прикосновений
Академичнее всех пособий
Знание их утекает в песок
Рыбы молчат. Их молчанье весомей
Тысячегласно сказанных слов.

Луна была полной. И полное было
Безумие мира под этой луной
Луна плыла. Полно - луна застолбила,
Луна заслонила пространство собой
Как столб соляной круглолобая глыба
Тревожила мир, разрушала покой

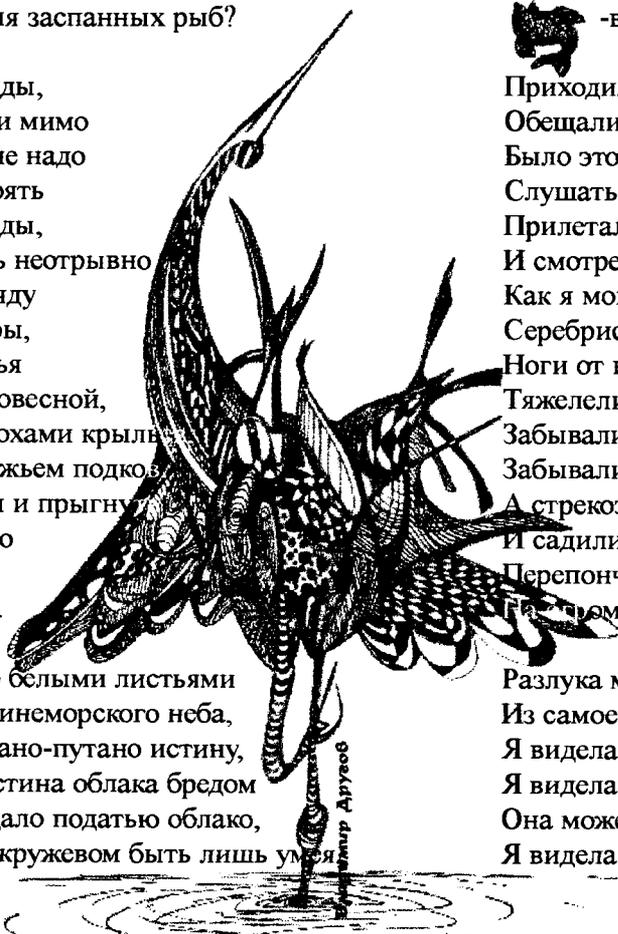
«Мы уж давно не даем вологодских авторов. И не со зла. Причина до пошлости проста: Вологда перестала финансировать «Север», и мы вынуждены переключиться на регионы, откуда приходят хоть какие-то средства. Нет денег на письма, зарплата последняя за март, так что. И потом, Ваши стихи - не в нашем, «северном» ключе, мы никак не модернисты, вот в чем дело-то. Уж простите и поймите. Всего вам доброго. Владимир Павлович Судков. Зав. отд. поэзии журнала «Север». 23.10.97 г.

Луна спала. Полно, луна - была рыба
По пояс в воде, только вниз головой
Яичный желток в черном студне июля
Луна колыхалась, дрожала, текла
Огромным куском сталагмита доколе
Те двое не прыгнули в день ото лба.

Плыли. Два с гривами. Белым по синему.
Мною придуманы, но не мои
И поражала серьезность усилия
Легкости в общем-то - быть как они
Плыли два айсберга слишком похожие
На паровозных колечек каре
Как продавщицы чудного мороженого
В старой молочной невиданной, где
То ли два голубя, то ли два облака
Белыми кронами наизготовку
Так что казалось похожей на клоуна
Полуусмешка правого. Сбоку
В скобках - растерянность, в скобках - отчаянье
В самом ли солнце, на самом ли дне
Как одуванчики - снегом ли, чайками
Брызги их брызг опали ко мне
Как же хотелось их трогать руками,
Спины им гладить, ластиться к ним
Разве вода в меньшей степени камень
Чем христопраз или аквамарин?
Разве вода не бывает прохладным
Перемещением-стоянием глыб?
Разве вода не бывает - наглядно
Лучшей берлогой для заспанных рыб?

Такие бывают взгляды,
Что падаешь вверх и мимо
И вроде бы падать не надо
И вроде бы надо стоять
Такие бывают взгляды,
Что можно смотреть неотрывно
Четыре столетия кряду
На бледные эти шары,
На бледные эти перья
С их поступью легковесной,
С их влажными вздохами крыль
С двойным полукружьем подков
Что можно забыться и прыгнуть
В бездонное это небо
В зовущее это небо
С берестою облаков.

Белое облако кутало белыми листьями
В белую пену того синеморского неба,
И сочиняло мне путано-путано истину,
И показалась мне истина облака бредом
Бредило облако, падало податью облако,
Нежным оброком и кружевом быть лишь умей

И показалось мне сладкое облако - обморок,
И показалось мне - я это сладко белею
Где же вы, сборщики подати сахарной ватой?
Пена обманет сугробами все-таки выстояв
Белое облако было во мне виноватое
Ровно настолько насколько и следует истине

Как я Вас да без Вас люблю -
как тебя
Что за рыбины воду пьют, спуют
в якорях
Раздвигают лес из небесных трав -
не дыши
Разрешу тебе быть теперь упав,
но без «ши»
Гладь по шерстке их, чешую не тронь -
вот табу
Разрешу тебе зазывать в ладонь
только двух
Двух подлунных солнц то ли легок взгляд
то ли влет
Заблуди тех овц, скажут - наугад,
скажут - врет
Нарисуй их мне - уголь, хвощ и врозь -
плауны
Сотни может две или даже брось -
плывуны
Верно мало тех, кто поймет меня -
Ваших глыб
Разрешу ответ на «и где гулял?»
-видел рыб.

Приходили облака за мной с Востока,
Обещали облака забрать с собою.
Было это самым сильным испытаньем -
Слушать глупых облаков пустые бредни.
Прилетали темно-синие стрекозы,
И смотрели разноцветными глазами,
Как я мою - отмываю от загара -
Серебристой чешуей больные ноги.
Ноги от воды бывали толще,
Тяжелели ноги и темнели,
Забывали, что такое слово «клевер»
Забывали, что такое слово «сорван»
А стрекозы перестали удивляться,
И садились со спокойною душою
Перепончато размахивать руками
Где-то в глубине, как мир, седую рыбу.

Разлука моя! Аукать, кого мне теперь? Не мею.
Из самое себя выведенная сердцевина.
Я видела как стареют и умирают вина
Я видела как подходит ко мне удивленно рыба
Она может еле слышно, на цыпочках, золотая
Я видела это море не раз и не два, но все же

Я трогала эту воду и вторила ей - пусть знает
Зеленую соль в ресницах, на чешуе и коже,
На белой порочной глади, что сложно назвать
устами

Цена всех морей - свобода, и ей мне гореть-греться
Я слышала чье-то «хватит!» и верила, что вырастаю
В разлуку как в эту воду, как в самое ее сердце.

Эта вода утекает на Запад
Для того, чтобы там о Востоке не знали
Эта вода для того, чтобы плакать
Расстояние слов измерять глазами
Так и мне пристало молчать и выкать
Белой слизью тягучей солить пруды
Ибо я - всего лишь - большая рыба
Только с кровью чуть горячей воды
И когда вы поймете, что это такое,
Что из плача в плач через жизнь пройдете
Все придет из воды и станет водою
В бесконечном этом круговороте

Яков Авербух

Заметки о КРО

I. О нытиках.

Автор произведения (как и его лирический герой) - современный вариант интеллектуального нытика. Классические нытики - Лермонтов, Достоевский (равно как и их героини) - нытики от литературы. Масне, Беллини - нытики от музыки. Нытиков от живописи вообще не стану перечислять - они все такие. В любом провинциальном городе можно обнаружить прекрасные образцы архитектуры нытиков. Вообще во всем мировом искусстве ментальность нытиков - как явных, так и латентных - занимает одно из фундаментальных мест. Можно даже сказать так: искусство держится на нытиках. Деревенщиков напрягает город (плачут по деревне). Эмигрантов - чужая страна. Моряков - в море - дом, дома - море. Но автор - не просто нытик. Автор - нытик философ...

... В большинстве ее стихов (кроме «Лары» и кое-каких других) лирический герой мне представляется неотделимым от автора...

... Можно подумать о классическом образе «поэтессы» - эдакой костлявой дамы неопределенного возраста, в черном платье и вечной сигаретой во рту. Можно, конечно, предположить, что Наташа, приходя домой, снимает свои джинсы, переодевается в черное, вставляет в зубы «Беломор», но все это - шутки ради. Видя все «в натуре», начинаешь ничего не понимать. Однако я отвлекаюсь, а говорить бы надо по существу, по стихам. А по ним виден поэт.

II. Почему Поэма?

Называю КРО поэмой по глобальности вещей, отраженных в ней. Называю поэмой, ибо она обобщает вещи ей предшествующие и оказывает влияние на написанные позже. Называю - по временам и времени. Называю - в виду множественных сочетаний рельефа и фона.

Ожерелье цербера

III. О сексе.

Критик Бараков говорит о «приверженности к безобразному» в стихах Натальи Сучковой вообще, и в КРО - в частности.

Цитирую автора:

«... мол нужен всего лишь отросток тебя засунутый между ног...».

Это единственный «кусочек секса» в поэме, да и то обработанный очень даже художественно. (Что может здесь быть пошлого - автор даже не говорит какой именно отросток. А это может быть и рука, и нога, и голова... А это - хоть и не ново, но все же здорово.)

Мне очень жаль, что Виктор Бараков - профессионал и не обделенный умом человек не увидел или постарался не увидеть других вещей - более значимых и существенных. Секс, обработанный художественно, не может безобразным и пошлым. Телесная любовь - неотъемлемая часть любви духовной, и обе - изнанка друг друга. Равно как тело - необходимая оболочка духа и наоборот. Изъятие какой-либо части, сами знаете, чем чревато.

Человек, считающий телесную любовь безобразной - либо лишен одной из этих «любостей», либо находится под влиянием таковых.

И вообще я не понимаю противоречий эпигонов, упрекающих нас, молодых, в витании в облаках и, вместе с тем, ругающих нас за казалось бы такую приземленную вещь, как пошлость.

IV. Голографические времена. Глаголы. Уравнение поэмы.

Я разделил поэму по временному признаку на семь частей. В каждой части встречаются разные времена глаголов, но определенные все же доминируют. Ограничиваться рамками классики не могу, и поэтому придумываю специально для этого случая не «плоские», а «голографические» времена.

Во вступлении: эволюция от неопределенно прошедшего (когда я садилась за стол; так говорил Заратустра (когда он еще это говорил) - до настоящего (здесь бродят люди красивые как) уже го-

Саша Алексеев:
«Рыба такая есть - погкаменичик.»
Заседание литАРтели «Ступени», 06.08.98

ворит о взгляде из настоящего в прошлое.

Во второй части: (изучать; заставит; жить бы; думать; создавать) - изобилие неопределенной формы глагола.

В третьей части: (стоят; молчат; ищут) - настоящее время.

В четвертой части: (луна была, плыла, дрожала и т.д.; они - плыли; брызги опали и т.д.) - прошлое, бывшее в определенной точке времени.

В пятой части: (бывают взгляды; можно смотреть; забыться) - неопределенное настоящее на доминанте инфинитива.

В шестой части: хотя и доминируют окончания прошедшего времени - само время становится еще более неопределенным, логически продолжая пятую часть.

В седьмой части: (воду пьют; аукать кого мне теперь; вода утекает) - настоящее время.

Обобщая коэффициенты уравнения КРО, получаем уравнение конечное:

быть в своем настоящем,

вспомнить прошлое,

очутиться опять в настоящем!

Кстати, вспомним «Ланолиновый блюз»:

«Как в воду - из сна в явь

в тебе на тот берег вплавь...»

«С мосточков зеленых Луны

из яви - обратно в сны...»

Не правда ли похоже?

Однако, человек пишущий скорее чувствует, чем думает, и такой расклад времен мог получить у автора интуитивно, из-за схожести глагольных окончаний.

V. В бесконечном этом круговороте.

Рельефным элементам поэмы (Камню, Рыбе, Облаку) соответствуют стоящие рядом фоновые, суппортные глаголы.

Итак, глаголы Камня (кожи, горы, валунов, щебня и т.д.) - изучать, думать, жить, раздобыть, пробираться, повстречать.

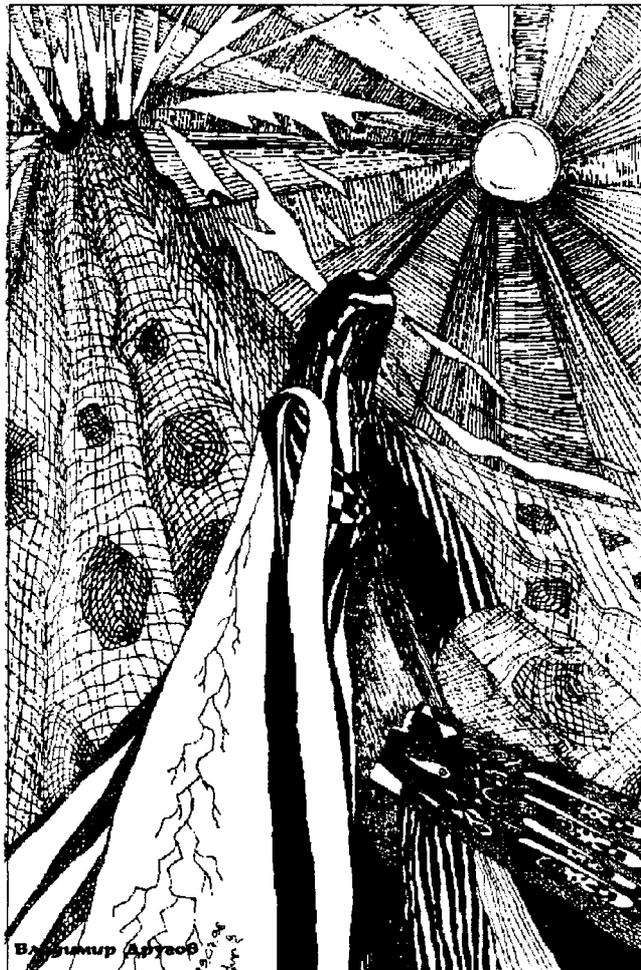
Глаголы Рыбы - стоят, скрываются, знают, молчат, ищут.

Глаголы Облака - путает, сочиняет кажущуюся истину, бредит, падает (податью).

От реальной жизни - к путанице и неразберихе, сочинению кажущихся истин. Облака - далеки и недостижимы. Камни - рядом и уже приелись. Вероятно, позиция Рыб - позиция самого автора.

Рыбе тождественна вода. Камню - земля. Облаку - воздух.

Картина неполная. Четвертой стихии - огню - уделено мало внимания, но она здесь есть. Это - Солнце. Без него - генератора четырех стихий - жизнь не может двигаться. Что же означают фразы: «ищут берлогу - от солнца скрыться»? Видимо, нежелание героя уча-

ствовать во всей этой круговерти бесконечных повторений. Почему вода для рыб «берлога»? Солнце нагревает воздух и землю. Вода же всегда холоднее первых двух. И спрятаться в ней легче...

САША НЕМИРОВА

Рыба-вода-облако

«Рыбы стоят на камнях -

Ищут берлогу от солнца скрыться...»

Н. Сучкова, «Камень-Рыба-Облако»

Думаю, раньше мы все были рыбами:
Искали берлогу, торчали над глыбами,
Нежно и медленно в небе плыла...
Полно! Луна тоже рыбой была.
Желтая ванна желтыми бликами,
Желтой водою мне руки опутала,
И показались ладони мне ликами.
Кожа ... Что кожа? Я все перепутала.
Мне не хватает чего-то и кажется,
Что не хватает чего-то действительно,
Я заболела и в обморок кажется
Счас упаду.. (Ах, я так впечатлительна!)
Желтая ванна с желтой водой,
Сию в ней по пояс я вниз головой,
И вижу лишь скользские глыбы на дне,
Ну где ж эти рыбины? Рыбы, вы где?
Обморок желтый посеял тревогу,
Рыбы несчастные ищут берлогу
В ванной моей, где сижу я в воде.
.. Рыбы мы все! Но берлога-то где?

Обзор издательских новинок Вологда

СВЕЧА

Лучше поздно, чем никогда

Который раз первая книга издана посмертно - Михаил Жаравин так и не увидел своей «Сердечной раны» в переплете № 7 (черный ледерин плюс золотое тиснение плюс 400 стр). Зато на презентации после читки Яшей Авербухом жаравинского рассказа «Зуб» выступил поэт Борис Гуляев, только что вырвавший зуб. Выход книги стал поводом для создания новой графики Надежды Черкасовой и картины Василия Птюхина по прозе Жаравина.

Что касается пути к читателю, то фирма «Седьмой континент», возглавляемая братом писателя Николаем, подарит всем 26 районным библиотекам по книге «Сердечная рана» (есть специальный штамп), и это произойдет в связи с областной экологической конференцией в библиотеке им. Бабушкина. В Вологде книга продается в «Отраде», в Москву она просочилась первым делом в литературный институт им. Горького а также в один из книжных магазинов - спасибо Б. Гуляеву, А. Смолину, О. Черноричкой, А. Дорину.

Донграются

Стихи одного из ведущих журналистов еженедельника «Курьер» (Череповец) А. Широглазова вышли в минувшем году в издательстве «Свеча» как раз к 25 годовщине литARTели «Ступени» под заголовком «Как долго не кончается Игра», а презентация книги в Череповце успешно состоялась в январе этого года. Игра в мнения по поводу книги началась позже, когда самые консервативные издания - альманах «Автограф» и газета «Русский Север» - поместили негативные отзывы Смолина, Фокиной, Романова, Балакшина.

Несмотря на это, Широглазов и пел, и играл для вологжан на гитаре в центре «Чайка». Что касается молодых литARTельцев, они с помощью «Чайки» выпустили книгу «ВАНСУАВ» (Вандышев-Сучкова-Авербух) и самостоятельно вышла экспериментальная пьеса В. Архипова «Время выгула собак или Розовый рай». Так что эти песни «не задужишь, не убьешь».

Диплом - хорошо, а слава лучше

Великоустюгская поэтесса Ольга Черноричкая закончила два ВУЗа - Череповецкий педагогический университет и Московский литературный институт им. А. М. Горького, где дипломной работой стала книга ее стихов «Русалка и Поэт». Философская наполненность и мотивы странничества позволили поэтессе победить в конкурсе поэтов «Поэтическая ночь» и получить поощрительный приз в номинации «философия», так что череповецкий критик и преподаватель ЧГУ В. Анохин, помня ее

студенткой, обратил на нее внимание и в творческом плане.

Шумит
Сосновый Бор

Поэты начинают с прозы? Вологодский, ныне сосновоборский бард, поэт и экстрасенс Михаил Поляков, издал первую книгу совместно с женой Ириной Севостьяновой. Это трехчастная сюжетная повесть «Двойной маленький без сахара» с ностальгическим диссидентски-романтическим духом. Поляков имеет много самиздатовских стихов, а вот Ирина Севостьянова не остановилась на прозе и сейчас издает книгу стихов «Дом у воды». Ее стихи - прекрасный образец женской лирики в стиле романтики Новеллы Матвеевой. Тираж опять поедет в Сосновый Бор.

Криминал

Молодая писательница Анастасия Веселова выпустила детектив «Сети Арахны». Вологжане знают эту вещь, так как зимой детектив транслировался по областному радио в виде радиопостановки, а еще раньше печатался в «Насоне». Сигнальные экземпляры Ася получила в день своего 23-летия, по этому поводу к ней даже заглянули журналисты с ТВ-7. Веселова планирует провести две презентации - в «Чайке» и в библиотеке им. Бабушкина. Ася - работник УВД. Если бы это было не так, возможно, и жанр ее книги был бы другим?

Промоутер в США?

Поэт Борис Гуляев, давний член литARTели «Ступени», несмотря на критику в печати по его адресу, недавно снова выступал перед публикой в поэтическом клубе Дома офицеров. Публика встречала его восторженными аплодисментами. Вскоре Борис познакомился с гражданином США, а в прошлом вологжанином Александром Быковым. Господин Быков внимательно ознакомился с текстами гуляевских стихов и одобрил их. Прощаясь, он увез с собой в США оба стихотворных сборника - «Трилистник» (изд-во «Евстолий») и «Белые ночи» (изд-во «Свеча»), а также пухлую рукопись с намерением что-то опубликовать.

Тамара Сизова,
специально для альманаха СТРЕКОЗА

ЕЛЕНА ВОЛКОВА

Елене Волковой не нравится ее творчество. Будь ее воля, она бы запретила себя печатать: ведь это «жалко, мелко, пошло, вторично» - говорила бы она о себе. Но к сожалению, у Елены Викторовны много друзей. Иногда, собравшись тесной компанией, эти друзья заводят свой старый разговор. Особенно невыносимо становится после первой рюмки.

- Волкова, когда же ты наконец начнешь писать повесть?

Чтобы не затягивать со второй, приходится отвечать:

- Ну, напишу, напишу...

Похмелье оказывается ужасным - приходится писать очередную пародию, благо есть на кого. Некто сказал, что Волкова стала «писательницей» благодаря частым застольям. Отсюда ясен и характер ее творчества: стихия Волковой - юмор и пародия. Пару лет назад даже возникла привычная самозащитная фраза: «Ничего своего, могу только паразитировать на чужом творчестве». Таким образом, творчества Елены Волковой как бы и нет вовсе, что и оправдывает ее перед потомками.

Елена Волкова

Нашему автору Елене Волковой при странных обстоятельствах попал в руки удивительный документ, выполненный в технике письма шариковой ручкой на отдельных кусочках картона, бересты, туалетной и оберточной бумаги, а также прочем подручном материале. Экспонаты, безвозмездно переданные Еленой Викторовной в архив альманаха «СТРЕКОЗА», датируются 80-90 годами XX века и представляют несомненную историческую ценность. Только для читателей альманаха «СТРЕКОЗА» почти полные выдержки из этого сенсационного документа.

„Как бы я редактировала элитную газету, будучи заключенной в дорожном отделении

Прежде всего определим круг читателей. Для меня (в дорожном отделении) - это беременные женщины или просто женщины, что одинаково противно. Изобилие беременных женщин - это то изобилие, о котором все мы мечтали длинными зимними вечерами. Когда количество животов достигает 100 процентов, начинает подташнивать как при раннем токсикозе, а в совокупности с высоким давлением, частым кварцеванием и полным отсутствием половой жизни это дает картину уже позднего токсикоза.

Однако мы отвлеклись. Кстати, стойкая сбивчивость мысли - признак, который появляется именно здесь... Итак, что может заинтересовать пациентов элитной газеты?

Телепрограмма. Мотая третий срок в женских заведениях, утверждаю: нет более актуальной страницы, чем с ТВ. Именно на этой странице надо печатать наиболее содержательные материалы - ранние рассказы известного вологодского автора Г.Щекиной, интервью с менее известными деятелями литературы и искусства.

Теперь о передачах (статьях) повышенного спроса. Почетное первое место - «Песня в подарок», второе и третье место - телесериалы и «Поле чудес»... Не пользуются успехом передачи (статьи), освещающие новости, политику, ведущих сатириков и КВН с ведущими. То ли у нас с чувством юмора напряженка, то ли они не сатирики. И то, и другое не так уж невозможно, как кажется при первом прочтении анамнеза первородящей.

Каково содержание (сюжет) ее пакета или вещмешка? Да, да! Все та же «Эммануэль», дух которой витал еще в гинекологии, как и ее подружки «Анжелики».. Популярны сказки, единичный случай - «Золотой теленок». Дальше идет запретная литература и самиздат: кипятильник, копченка, соленый огурчик и спецверевка для оконной контрабанды.

Попристальней всмотритесь в спецверевку, таящей целую историю! Бывает веревка как таковая, чаще - наставленная (значит владелицу переводили со 2 на 3 этаж), некоторые предпочитают в качестве веревки - эластичный бинт, широко используемый в родовспомогательной работе. Последний вариант наиболее приемлем, т.к. в дневное время его легко спрятать путем наматывания на отекшее место (а таких достаточно).

В редакторской работе хорошо привлечь советы народных целителей на тему:

- сокращения срока отбывания,
- обеспечения частой смены постельного белья при полном его отсутствии,
- снижения белка в моче и повышения гемоглобина в крови непосредственно перед сдачей анализа."

На этом запись обрывается, что дает основания предположить, что срок пребывания героини в указанном заведении истек по причине примерного поведения и условно-досрочного освобождения.

Летучий корабль

Валерий Архипов

стихотворный пересказ русской народной сказки

1

В тридевятом добром царстве
Прави в холе и ўбранстве
Царь Артем с печатью личной.
Был красив до неприличья
Весь его дворец и рынок -
До заморских был ботинок
Падок взор его бредовый,
А кулак его пудовый
Был порой по слугам верным
Не по всем, по самым скверным.

2

Дочь имел отец народа:
Белых ноженек порода
На балах больших бланстала,
Мужиков до слез смущала,
Но когда, махнув рукою,
Вызывала бурю в море,
Всем бывало очень скверно.
И подумал царь: «Наверно,
Надо ей найти супруга,
Чтобы знал он дело туге,
Чтоб порядок и смиренность
Наступили в женской келье».

3

Утром царь вскочил с похмелья,
Это было воскресенье,
И вскричал, взывая к богу,
Он глашатая берегуг:
«Ты скажи, верняк берега!
Вот приказ тебе в дорогу,
Повеги по горам-весьям
И приказ ты мой повесь там.
Холостым парням в удачу
Царь такую шлет задачу -
Кто корабль создаст летучий.
Что взлетит под самы тучи
В назиданье иностранцам
Я пожалую дворянство.
Чтобы знали все в народе,
Что нищя я мужа вроде
Для единственного чада.
Все. А подписи не надо».

4

Мы на том пролог кончаем.
Жил-был перед маем,
В аккурат под саму пасху,
Дел не мало, под завязку,
Бабка с дедом малохольным,
Жил в домике, довольны
Были озером и рыбой
И своим кооперативом.
По секрету проволтаюсь -
Самогоном пробаваляясь.
И как водится, среди леса
Настругал старик балбесов -
Трех парней: один всех краше
И по имени Игнаша.

Хоть был дурень, но не промах,
Спал в нераженных соломах,
До утра гонял бакалуши.
Старший - первенец Ильюша,
Занимался рукодельем
И слугал стихотворенья.
Средний птиц ловил и в клетках
Продавал столичным деткам,
Мамам их многопудовым.
Сам был вовсе не бедовый.
Тихий, скромный, работяга,
О жене мечтал, бедняга.
Так и жил-поживали,
Никого не обижали.
Было тихо все и ладно,
Слух прошел, когда прохладно
Стало в серо-буром лесе,
Двое старших - об пол вейся! -
Захотели враз жениться.
Утром, встав, перекрестився,
Попросились в дорогу.
Им отец промолвил: «С богом!»

5

Вот пошли два перестарка;
Смотрят: дивная полянка
Из порубленной осины.
Эх, навалом древесины!
Стройте, коли есть охота.
Билансь-билансь, где там, что ты...
Не создав не колабашки,
Выпив с горя по рюмашке
Из египетской посуды.
Братья поняли, что худо
Не узнав как братья, сразу
Вперлись в царскую заразу.
Вдруг, возник из-за пенечка,
Из малинова кусточка,
Словно гриб, мужик лохматый:
«Че горюете, ровяты!
Может я какое слово
Вам скажу, и будь готово».
Заругались братья хором:
«Не вери ты нас измором!
Уходи, бродяга скверный.
Ну, а мы домой, наверно,
Побежим к вечерней дойке».
«Я мечтаю, брат, о койке», -
вдруг сказал лениво Гриша.
«Ладно, будет, слышу, слышу», -
отвечал ему Ильюха,
Распечесывая брюхо.

6

Середь леса, середь гор
Наточил мужик топор,
Али яблочко лесное,
Али девичий разговор.

7

Вот собрался в путь Игнаха -
Разрисована рубаха,
Хлеба черствого краюху
Взял, в платок положил мучу,
Чтоб жужжала для веселья.
В общем, вышел в воскресенье.
И пошел кривой дорогой
В одежечке убогой.
На лесной поляне звери
На собрании сидели,
Обсуждали не от скуки
Взять медведя на поруки,
Или выгнать вон из леса -
Напроказничал повеса.
Вот из чащи прет Игнаша,
Топором беззлобно машет,
Напугав зверей до коллик,
Ищет дерево, соколик,
Чтобы вырвать под корень,
И корабль царю постронть.
Только плюнул на ладонь,
Слышит чей-то глас: «Не тронь!»
Видит куст малины сладкой,
Под кустом старик с лопаткой:
«Напон меня, дружок,
Дам овсяный пирожек».
«На, старик. Испей-ка квасу, -
говорит Игнаша басом. -
Мать варила, не жена,
А жена мне, ой, нужна.
Ведь живу как сельский дурень,
Толи спазу залезу в курень,
То залезу на плетень
И сижу на нем весь день.
Царь велел своим холопам
Не таскаться по европам,
А постронть летуна,
Деревянного коня,
Чтоб летал над океаном
И пугал бабенок рьяно,
Птицей рвал бы облака.
Кто постронит, под бока,
И прямком к царевой дочке
В кружевной сведут сорочке,
И за свадебку, а ты
Мне не дал подмять цветы
И срывать сосну кривую!»
«Не горюй! Ты жажду злую
Уж помог мне превозмочь,
Будет и царева дочь
У очей твоих блакигных,
Только дело волокитно, -
говорит Игнатуг гном, -
Посмотри, дружок, кругом».
«Вижу, ясная поляна,

Внжу, сосенок навалом».

«Ты одну из них срубил
И кораблик сгондови».

«Так ведь надобен летучий,
Ну и ваяпался я в случай,
Видно, впрямь - Игнат-дуррак,
Не пойму секрет никак».

«Знаю я, как сделать дело,» -
отвечал старик несмело.

«Помоги, от скуки я
Полетел бы за моря
Посмотреть чужие страны.

Где кокосы да бананы».

В общем так сказал Игнат:

«Посови мне, буду рад».

8

Не насесте, не на месте
Не сидится той невесте,
Что гадает по губе
Толи к лету, толь к зиме.

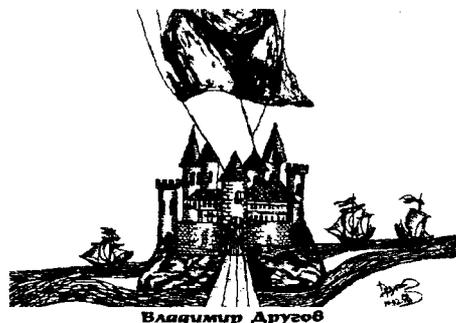
9

Вот спешит корабль летучий,
То взойдется выше тучи,
То стремглав летит к земле,
Словно ванный лист к золе.
Ветер гонит, только свищет.
Наш Игнат, как здешний нищий,
С ветром шапку оброня.
Причитает как дитя:

«Ой, ребята, разовьюся.
В голове туман, воюся!
Что мне мастер то сказал?
Ах, да, вспомнил, чтобы врал
Всех кого внизу увижу
Будь-то сивый, али рыжий».
А внизу мелькали горы,
Словно свежие узоры,
Ярким светом рассияв,
Зелень леса, прелесть трав,
Завлистая на просторе
Голубые реки в зное.
Вдруг на травке, на лугу
Расположился в дугу
Мужичек неважный с виду.
Вам, читатель, не в обиду
Я скажу, что слухом он
С детства был не обделен.
Звали мужичка Глухало.
От конца и до начала
Он прослушал землю всю
Вплоть до острова Хонсю
И сейчас лежал в отпаде.
Наш пилот успеха ради
Пирүэт свершивши трудный,
Помня все ж наказ премудрый,
Выковеннвать не стал -
Мужиченку подобрал.
Ведь корабль совсем не тесен,
Было места в нем, что песен.
Только дух перевели,

Смотрят, что-то впереди.
По дороге пыль струится -
Одноногий парень мчится
В рубашонке бышитой
С бородежкой рябой.
«Ты чего, голубчик, скачешь?
Так мозоль набьешь, заплачешь,» -
говорит ему с небес
Толи ангел, толи вес.
«У меня нога вторая
Есть, но только подвязная.
Ненароком развяжү,
За три шага землю всю
Обойдү - түшите свечи».
«Ты нам нүжен,» - не переча
Подобрал Игнат его -
Скорохода своего.

Продолжение в следующей
«СТРЕКОЗЕ»

Владимир Другов

ZANUDA ЗАНУДА

Поэт и критик Валерий Архипов, пишущий лучше многих, сказал однажды про Н. Сучкову: «Он пишет лучше меня». Кто пишет круче Сучковой, пока неясно. Написанная же Архиповом пьеса «Время выгула собак или Розовый рай» получила положительную оценку мастера литинститутского семинара В. Цыбина, а собратья по перу в обсуждении этой пьесы выступали как режиссеры, ибо каждый начинал речь словами: «Я понимаю это как...» или «Я вижу это как...» Текст допускает множество толкований. Действие происходит в психушке, куда помещены одни женщины, и приезжающий расследовать убийство полицейский попадает в эротическую малину, поскольку все жаждут любовного приключения. Каждая женщина хочет привлечь внимание и держать власть, каждая по очереди берет на себя убийство, но всего лишь для того, чтобы обладать этим мужчиной...

В процессе обсуждения на заседании литARTели выступающие разыграли сценку из пьесы, в которой участвуют полицейский, медсестра-любовница и пьяный первый санитар, что было встречено одобрительным смехом публики. Отклики весьма разнообразны. Д. Файзов: «Пьеса, которая находится между Шварцем и Ионеску. Пошлости и шероховатости легко убрать исполнением, это должно смотреться, я бы, пожалуй, поставил это в студии». С. Фаустов: «Роли неравны, Джоконда появляется и пропадает, чтобы мелькнуть в конце, как ее играть? Аурелии досталось сорок фраз. Людей много, а слов не хватает. Может, недостаток слов надо заполнить движением, а то я не знаю - надо ли читать это? Валера профессионал, он так ставит вопросы...» Е. Волкова: «Практически здесь одна женщина и играть всех может одна актриса. Вся пьеса должна играть в одной большой кровати, там же бродит санитар и лежит труп...» Ю. Малоземов: «Я остался поклонником Архипова - но только в поэзии, пьесу не принял. Читать такое проблематично». Г. Щекина: «Ну написал «Дюймовочку», ну «Розовый рай», ну хватит уже переводить массовую американщину. Если ты еще раз пьесу напишешь...» Э. Шевелева: «Конец слабый. Кто же убийца? Хотелось бы дать слово и второму санитару». Н. Сучкова: «Отдельные фразы очень понравились. Но для детектива это слабо. Самооговоры и противоречия должны иметь обоснования, кстати, у юристов есть способы их распутать, здесь ни намека. Для фрейдизма недостает глубины».

Архипов за ругань всех благодарил. А пьесу так никто и не поставил. Жаль.

Соб. инф.

ZANUDA
ЗАНУДА

Начало на стр. 20.

И в стихах, и в прозе у Г. Щекиной те же недостатки: сформулированный П. Тимофеевым средний уровень, хроникальность, журналистская скоропись. Не умеет автор подниматься над мелкими своими страстями, оторваться от земли, коснуться философских обобщений.

Возможно, автор, обозначив посвящение в «Горькой поэме», считает М. Сопина своим учителем, героем нашего времени и проч. Сопин, конечно, не виноват ни в этом, ни в том, что разбирал первые вирши Г. Щекиной, так и не усвоившей его уроков. Но, допустим, это так, а дальше? Где выводы, проникновение в судьбу народа? Перед нами пассажи влюбленности, невнятные воспоминания, хаотичные частности, колючая проволока, пепел папирос, величие непонятого мученика, и причем здесь, простите, поэзия? Вся эта конкретика хороша в документальной статье, но в стихах ни одно имя не имеет значения. Потуги Щекиной статья новой Сиротинской при другом Шаламове поистине удручающи. Пусть бы лучше занималась своим литературным детсадом.

Альбомный характер остальных стихотворений очевиден. Каждое написано конкретному человеку, а зачем они собраны вместе - неизвестно. Уровень текста подчинен во многом песням, ради которых все это написано, и многие уже звучали на литературных вечерах. Посмотрим, запоют ли их другие. Происходит историческая фиксация: завести дело, пронумеровать, сдать в архив. В этом плане все сделано блестяще.

Соб. инф.

Рис. А. Шемякина
(из книги «Чудовищный
цветок».)

ДАНИИЛ ФАЙЗОВ

СЕБЕ

Да что ты бьешься в крови,
Любимый мой нелюдим.
И ножек женских оскал
Рисуешь в стиле канкан.
Поверь, мы очень чисты
Под выкрик Бога: «Остынь!»
Поверь, мой плавный герой,
Лицо умеет колотить.
Зачем ты хочешь любить,
Мой одинокий буддист?
Штудируй на ночь словарь
Моих излюбленных кар.
Потрогай вилкой висок –
Ты виноват на «все сто».
Ты виноват в том, что есть
Конец от всех этих пьес.
Зачем ты бьешься в крови,
Мой золотой нелюдим?
Загадку можно умыть,
Давай разденем умы.
Колись, кисель на воде.
Могу и я порадеть.
Ведь облака женских спин
Спасут твой древний камин.

Ну, что ты бьешься в крови?!
Давай карманы кормить...

ВОЛОГДА

Серого неба вороны не слышат,
Прячась от кошек, влюблённые мыши
Вырыли норы у нор человеческих:
Банков, контор и палаток купеческих.
Люди шныряют, готовятся к холоду,
Небо ширяется храмом из золота.
Листья шуршат по асфальту купюрами,
Листья поссорились с липами дурами.
Вологда древняя осень по капельке
Выпьет, и в спячку впадёт.

Всё надоело! Домики старые,
Шкурки бананов и сплетни базарные
Девочки милые, ножки согретые
Парой бутылок в цветастом пакете.
Кончен шабаш жёлтых листьев
нестрашный.

Дождик, промокла кремлёвская башня.
Речка сдалась, хоть и некому вроде,
Речка давно уже не колобродит.
Вологда древняя ждёт не дожждётся,
Скоро ли в гости зима.

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

БЕТУЩАЯ ПО ВОЛЧАМ

Соберу я всю жидкость морей -
До конца опрокидывай блюдце,
Я тебя приведу в Колизей,
Чтоб могла ты слегка улыбнуться

Ну а все-таки мы в никуда
Уходили, а может не жили
Суета, да еще маета
Нас опять обнажив, обложили

Снова вместе. Хочу не хочу
Здесь не спросят, не кончена повесть
Твоему, до смешного, врачу
Я спасу задубелую совесть

А в ответ громкий звук сверху вниз -
Бах, Скарлатти, Тангейзер, Сальери
Я прощаю тебе свой каприз,
Потому что чего-то мы съели

Не отраву, не солнечный блик,
И не варежку - мокрую тряпку,
Мы наелись любовных интриг
Под дождем, что сорвался вприсядку.

Соберу я всю жидкость морей
И рванусь в никуда - кровь из носа,
И не будет нелепых смертей,
Будет больше хороших матросов

На воде без матросов хана
Мы плывем не пугаясь, не зная
Где, какая накроет волна
Наше неосвященное знамя

Как хотелось подальше заплыть
Капитан, обронив зажигалку,
Не хотел нас обоих любить,
Не хотел нас обоих, а жалко

Он хотел докоснуться тебя,
До груди твоей лентами скрытой,
Он хотел подобрать под себя
Все прекрасное в мире забытом

Он рванулся, вскричал, но увы
Ты мелькнула кометою ясной
И взбежала на гребень волны
И осталась навеки прекрасной

ДАНИИЛ ФАЙЗОВ

ДОЛОЙ ПОЖАРЫ ВСЕХ ВЕЩ

Я прячу глаза
В пряжу твоих тонких рук.
Я мечтаю казаться не сразу...
И провалены приступы,
Крепость швыряет смолу и удары со
стен.

Отпускает затем,
Чтобы вина игристые,
Шепотом пены
Ныряли в «почти».
И обмана всех снов,
Колыбелью стихов
Опрокинулись,
Дали пощечину
Тем, что не прощены.
И солёные губы обкусаны зверски.
Я стреляю по сердцу.
Холод – смешанный смех.
И искрится надежда,
И лёд на очках,
А поверх их такие слова!
Отыграли и спать улеглись.
И плевать, что их даже не видно.
Горизонты закатов не мстят
За умение быть не собой.
И не только с тобой.
Как гадать,
Как узнать, где пустые мечты.
Где весна?
Я потёр у виска.
Голова вроде меньше болит,
Но чуть больше кружится.
Ты меня не хвали.
Не ругай.
И никак,
И зачем.
И барак,
И ковчег.
И стерпеть совесть губ.
Не сломать постоянство.
На нет – полубред,
Полусвет,
Не сонет,
Сто вендетт,
Тем, кто смеет считать,
Что ты не для меня.
Чепухою храня.
И, не веря, что ты для меня.
Понимаю – иначе – война.
С миллионом врагов
И одним проигравшим.
Одним проигравшим.
Одним проигравшим.

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ

Голубок мой в сиреневой вьюшке,
Добрый ангел дичайших повес,
Ты в заснеженной ветхой клетушке
Вспоминаешь деревню и лес.
Вспоминаешь, бедняга, что было,
Жизнь такие фортели плела
И девчонку, что крепко любила,
Но однажды, с приветом, ушла.
Не взглянула, не вскрикнула даже -
Шарф коричневый - щеголь облав
И пораненный в горестной раже
Белой блузки свистящий рукав.
Голубок мой в серебряной вьюшке,
Тихим пеньем меня не тревожь,
Я сегодня подружке-подушке
Раскрываю вселенскую ложь
Закрывая глаза-неприглядь,
Вспоминаю, печалюсь, борюсь,
Будто с берега левого гады
Страх наводят, да я не боюсь.
Мастера еще строят помостик,
Где бурлящий среди темноты,
Твой любезный сиреневый хвостик
Представлялся лампадкой мечты.
Под лампадкою лошади серы
И сера королевская бровь,
Лилипуты здесь все гулливеры!
Гулливерова злая любовь!
Не томитесь! О боже всевышний!
Я любил бы ее до венца,
Если б с неба волнистым затишьем
Не взорвалось бы горло певца
Подмастерье на черных подмостках,
Вечный спутник усталых калек
Королевы в джинсовых обносках
Навсегда. На банановый вкус.

ZANUDA
ЗАНУДА

Поэтический альманах «Автограф», издаваемый попечением Вячеслава Белкова и Юрия Малоземова с конца 1997 года, пестрит десятками имен, а почему они рядом - загадка. «Глухариной песне» Тепловой лет двадцать, а широкоглазковскому «Захолустью» - пять от силы, молитвенная Сидорова и мученик Сопин соседствуют с юными Сучковой и Чегеварой. Леднев и Браславский - одно, Тиетая и Гаряева - совсем другое. Идет неприкрытое дублирование с рубрикой «Гости номера.» Гости ничем не отличаются от хозяев. Пора свести рубрики в одну. И наконец, определиться братская могила (выражение В. Кокорина). Ничего себе стихи «последних тридцати» лет! О. Кузнецова по этому поводу смешливо заметила, что у В. Белкова несколько иное время отчета. Рубрика «стихи последних лет» составлена по принципу «что запомнилось», то есть без принципа вовсе, от этого «Автограф» похож на иероглиф (тянет к Японии).

А. Смолин как критик «Автографа» рассматривает каждого автора с точки зрения вечности (на себя бы так посмотрел!). Иногда не грех посмотреть и с точки зрения только этого автора. Смолин сам от скуки не знает куда деться, и на читателя скуку нагоняет. Во втором номере он так лягает Бунину и Бродского, что осведомленный читатель сразу вспомнит, как, будучи редактором «Вологодского комсомольца», Смолин изобрел Кронида Обойщикова, чтобы нападать на Бродского. Позиционность! Тот ли это инструмент, чтобы стать критиком?

Белков смел. Печатает всех. Но верно сказано на обсуждении «Автографа»: читаешь его - и хочется уехать из Вологды» (Н.Сучкова).

Соб. инф.

Наступила весна,
Я смотрю на неё сквозь костёр.
Пожираю глазами
Бездомный ковёр облаков.
Обожаю сосулек-сестёр.
Поднимаю ладонь,
Чтоб потрогать бомжовую
строгость столба,
Чей закон – сберегать
Чью-то ночь от ножа.
Растопырив окно, полиглотски
Ищу свою мысль,
Но не знаю себя.
Бестолковой бутылки порок
Не настолько хочу,
Сколько вру.
Пожеланьем воды обозначил
Венчанье весны
С расколовшейся линзой
Из старых очков.
Нет, апрель – не такая уж грязь,
Чтоб немедленно требовать май.

Сергей Фаустов:

**“СВЕРШИЛОСЬ! ЕЩЕ НЕДАВНО Я
БОЯЛСЯ СКАЗАТЬ, НО ТЕПЕРЬ
МОЖНО: ПДЕТ НОВАЯ ВОЛНА
ВОЛОГОДСКОЙ ПОЭЗИИ!”**

(Речь на презентации книги “Клипы”
Валерия Архипова и Даниила Файзова)

Сегодня мы присутствуем при весьма значительном событии. Происходит презентация книги Файзова и Архипова “Клипы”. В этом году уже вторая групповая презентация (“групповуха”). Первой была “ONCEWAVE” – Вандышев-Сучкова-Авербух. Симптоматично! Поэты-индивидуалы находят известные им точки соприкосновения и объединяются. Их никто не заставляет – они сами хотят, потому что чувствуют потребность друг в друге. Смею высказать предположение, что без первой не было бы второй. Начну с Валерия Архипова. Он привлекает вас настолько, что в один прекрасный момент вы чувствуете, что он вам надоел, потому что вы его много читали и о нем читали. Ну, давайте еще почитаем.

*“...Воровка хохочет,
она веселится,
Она улыбается снегу и мраку,
Подайте рубаху!
Бегу не одето на скорую плаху.”*

Но беда в том, что он вам никогда не надоест. Хотя бы потому, что сегодня он выступает уже не один, а с напарником. Они

А пока дунет ветер,
Поднимет соседки подол.
У зари нагловатой
До крови искусанный рот.
Я читаю следы
И считаю ещё и ещё –
То зелёная рябь –
По ладошке бежит паучок.
Паучок, дай письма,
Я его до молебна прочту,
На минутку забудусь,
И вспомню войну да весну.
В арке белых салотов
Любви роковое лицо.
Нет, апрель, это грязь.
Так хочу я безвыстрельный май.

Владимир Дружов

вдвоем образуют агрессивную культурную силу, которую трудно игнорировать.

Файзов привлекает быстротой прочтения своих стихов. Так стреляет из винтовки меткий ковбой. Точнее, Файзов читает стихи как пулемет. Впрочем, так же, как и Архипов. Но если читать медленно, слышите:

*“Для себя сберечь бездумие опалы,
Не истратить, искастратить похвалы,
Поллюбить безудержным нахалом,
Не пугаясь старческой хулы.”*

А Архипов читает стихи как Фидель Кастро. Очень немногие умеют выпаливать слова в такой громкокрикливой манере, как он. Так уверенное, читал бы стихи бандит, настоящий чикагский бандит, только еще вдобавок гримасничая и вращая глазами. Но тем невероятнее, тем пронзительнее и неожиданней вдруг слышатся лирические нежные мотивы.

*“На станции любовь
Пять тоненьких знамен,
Пять гибельных колец
На шеях у влюбленных”.*

(У Натальи Сучковой одно из вариантов названий своего сборника стихов было “знаю пять имен мальчиков” - еще одна объединяющая бродячая идея! Пять. Неужели ожидается пятерня? Или пентод. Или Пентагон. Или пентет). Архипов и чужие стихи воспринимает по отношению их к любви, потому что он настоящий специалист по русской любовной лирике, и как студент Литинститута не одну контрольную написал на эту тему. Архипов и Файзов (сокр. АиФ) дополняют друг друга. Непосредственность и искренность Файзова безграничны и они согласуются с безграничной непосредственностью и искренностью Архипова. Не случайно стихотворению Файзова (приведу только отрывок из него)

*“Ты красивая
Я – грассируя...
...Ты – нормальная
Я – развалина...”*

Архипов дал название “Ленин и Арманд”, и тем жальче, что в книге не приведено именно этого названия!

Юрий Малоземов сказал, что в Вологде поэзия, написанная женщинами, сильнее. Думаю, что мало кто будет с этим спорить. Но сегодня мы видим выдающийся ответ на высказанное мнение от двух оппонентов - Архипова и Файзова.

Поэзия АиФ энергична, мускулизована. Этого не могла не заметить написавшая послесловие к книге “Клипы” Наталья Сучкова, отметившая, что для описания стихов АиФ требуются “гиперболы чудовищные и оксюмороны заковыристые”. Я же отмечу, что энергия стихов АиФ напоминает энергию рок-н-ролла. Я так утверждаю не для сравнения, а просто как аналогия. У рок-н-ролла есть обладающие мужской энергией секс-символы: Элвис Пресли, Мик Джаггер, а здесь мы видим поэтов энергичных и агрессивных, какими и должны быть поэты, представляющие свой пол, свой секс. АиФ – секс-символы вологодской поэзии (не люди, а тексты). Здесь не просто 1+1=2. Здесь сумма, имеющая иное качество – энергия пола, находящаяся в услужении у искусства. Не сексуальная агрессивность, а агрессивность творческого начала, творческого самовыражения, которое невозможно не заметить.

Они ограбили банк поэзии, показав всем нам, насколько он оказывается богат рифмами и идеями. Они бандиты литературные, какими были Маяковский, Есенин, Евтушенко...

Здесь надо четко признать - эта поэзия молодежная, но я убежден, что она принадлежит не только молодежи. Хорошие качества стихов АиФ - стихийность, жизненность, остроумие, экспрессия.

Плохие - грубость, но честная, оправданная. Файзов пишет:

*“Только неумением быть грубым
объясняется коварство подлеца.”*

Архипов и Файзов уже обладают тем, что они имеют, но им надо быть еще агрессивней, еще мощнее, еще хвастливей. Они уже лидеры, но им нужно стать “задаваками” новой волны. Я желаю, чтобы их выступления были еще более сексуально метафоричнее, громче, ритмически настойчивее, чтобы они стали героями своих собственных стихов.

Эти две книги, о которых я упомянул, разрушают нормальную книжную жизнь вологодского Дома книги, где они уже продаются, нарушают структуру представительности литературы в Вологде. Значение этих двух книг мы увидим очень скоро.

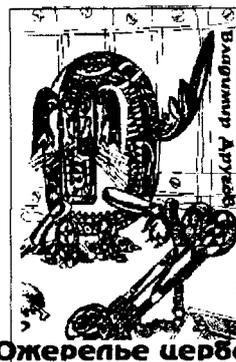
Эти две книги создали концептуальное ядро новой волны вологодской литературы. Еще недавно я боялся говорить про новую волну, но теперь это можно делать смело. Пришла новая волна! От этого страшно... интересно. Нельзя забывать, что неоценимый вклад в новую волну, к обоим этим фактам руку и сердце приложила как бы скандальная поэтесса, но, по ее же словам, “скромная фиалка” Наташа Сучкова.

Об Архипове и Файзове надо снять фильм под названием “Арчи энд Файз”. Они сегодня отстреливаются, а за ними по пятам гонятся два полицейских, которых зовут Бар и Бал (Бараков и Балакшин), которые попытаются надеть на них наручники, объявить их вне закона. Но два романтических нововолниста Арчи энд Файз спасутся, вскочив верхом на одного коня по имени Пегас. Вот такими скачущими вдвоем на Пегасе на фоне литературной нивы мы и увидим их в конце этого потрясающего

фильма.

В этом вестерне мы не услышим фразу “Боливар (читай: Пегас) двоих не выдержит”, после которой один ковбой убивает другого. Здесь мы услышим “Он выдержит двоих, троих, четырех, пятерых...”, заряжаясь энергией от таких седоков, как Арчи энд Файз”. Он может выдержать еще многих.

От этих стихов хочется заняться физкультурой, начать копать грядки, выгружать вагоны, или заняться эквивалентом этих занятий, коим является чтение книг “Клипы” и “ONCEWAVE”.

Ожерелье цербера

Наталья Сучкова

Клепатели клипов

О поэзии Валерия Архипова и Даниила Файзова можно не говорить. О стихах вообще чаще всего уместнее молчать, «ведь все равно, что говорят - не понимаю, ведь все равно кто разберет, что говорю...» (М. Цветаева).

Но если уж говорить о Файзове и Архипове, то прилагательные придется употреблять самые страшные и красочные, гиперболы чудовищные, а оксюмороны заковыристые. Но самое главное - говорить при этом можно о чем угодно: о фильме «Газонокосильщик», о Гумилеве, о белых шарфах, о явлении «данилизм» и термине «архиповщина». При этом рядом с говорящим непременно нужно поставить сурдопереводчика - для наглядности. Ибо поэзия Архипова и поэзия Файзова - это виртуозная виртуальность, которую нельзя потрогать руками, но которую можно снять кино. Полноценную полнометражку по поэме, и по крайней мере клип по любому из стихотворений. Книга так и называется «Клипы». Татьяна Вертосельга говорит: «У нынешней молодежи клиповое мышление.» Обсуждать киношность Архипова - уже моветон. И если одна из трех сольных книг Архипова «Съемка рапидом» - попытка снять кино замедленное, взглядеться и приблизить мир к самому зрачку, то «Клипы» - возможность прожить жизнь за несколько минут - концентрированную, высокоскоростную и феерическую. В отличие от Архипова, Файзов - явление еще девственное, критиками не залапанное, но уже сейчас ясно: Архипов и Файзов - близнецы братья.

Остановка на пять минут.
Чьи-то ручки зазябли.
Милые мои зяблики
Свечечкой помянут.
(В. Архипов «Вокзальчик»)

Озяблик ты мой.
Позабыла перчатки.
Подснежной надеждой
Прощаешь мой дар.
(Д. Файзов «Озяблик»)

Близнецы-то они близнецы, но не однойцовые. Генетический ход их поэзии очень близок, но не идентичен. Характерной чертой поэтического мира Архипова, на мой взгляд, является искусственность - он никогда не пишет, что творится у него на душе, он всегда (или очень часто) описывает мир, построенный им самим, мир с одному ему ведомыми королями, фрейлинами, гномами и героями. Наиболее вероятно - мультипликация или компьютерная графика.

В этом смысле Файзов - более откровенен и открыт. Ареал его стихов - это наш, реально существующий мир, настолько однако преломленный бутылочным осколком, наполненным стаканом или стеклами очков, настолько расцветенный или, наоборот, схематично обозначенный серыми штрихами карандашного рисунка, что узнать его, не попав в шкуру автора и не взглянув в том же ракурсе, становится почти невозможно. Скорее всего - документальная хроника, снятая перевернутой вверх ногами камерой и перепутанная при монтаже.

Что еще больше бросается в глаза - незаурядная энергия поэзии как Архипова, так и Файзова. И пусть не всегда она используется в мирных целях, ясно, что тратится она не впустую, ибо накаляет и испепеляет. Местами даже воскрешает.

А вообще - это книга, на мой взгляд, достаточно вкусная вещь, если конечно глотать с умом и не подавиться. И если сравнивать «проходные» строчки текста с тестом, а удачные - с изюминками, то перефразировав Юрия Малоземова, можно сказать, что в случае с этой книгой нет необходимости выколупывать сладкий изюм и выбрасывать невкусный батон. По той простой причине, что Архипов и Файзов умеют печь кексы.

«Клипы» - будет интересно прочитать многим. Как было интересно мне увидеть два самых настоящих видеоклипа по стихам авторов сборника - архиповский «Вокзальчик» и «Умеющая летать» Файзова. И думается, не за горами то время, когда на книжных полках нынешних читателей «Клипов» дуэта Архипов-Файзов появится кассета в видеовариантах их стихов. А авторам пожелаем быть с нами еще во многих книгах. Наглыми или нежными, злыми или душевными, хорохорящимися или растерянными. Быть разными. «Но не быть роднее хлеба» (Д. Файзов).

Обзор издательских новинок Вологды

«Евстолий»

Лучше меньше, да больше

Сегодня самое мощное и перспективное направление в «Евстолии» - это миниформатки. Только в этом году здесь вышло 10 изданий! Это - «Тебе» В.Бабенко и Т. Корниловой (он - ей, она - ему), каталог 100 изданий «Евстолия» (всем нам), экслибрисы Э. Иванова и Л. Шетнева (заказчиком), мемориал С. Савичевой «Два начала» (потомкам). С одной стороны, это дешевле технологически, с другой - есть потребители, в Вологде это общество любителей и коллекционеров миниатюрной книги под руководством В. Богачева, которому хотелось бы иметь по 5-10 экземпляров... В Архангельске аналогичное общество Шюнина заказывает вологодскому издательству по 50.

Гигант миниформата

Гигант миниформата - кадуйчанка Т. Гоголина, самый популярный и издаваемый сегодня автор. Главное, она умеет спонсоров находить. Судите сами, только в этом году изданы: «В год Тигра» (считалочка), «На лугу у реченьки», «Россия, Русь, проснись, очнись» (плакат), «Совсем не по Пушкину» (экологическая укоризна), «Календарь птиц», «Забавная азбука», «Азбука цветов» (пособия для первоклассников) и многое, многое другое. По непроверенным данным, скоро откроется отдельное издательство для Татьяны Васильевны под названием «Наша Таня громко плачет».

Тяжелая артиллерия

Из прозы - известен «Бобришний Угор» А. Яшина, «Грех игумена» А. Грязева, из драмы - «Никола Рынин» Ю. Леднева, «Сюрприз» А. Мартыановой. «Грех игумена» - донельзя историческая вещь 20-летней давности, в церковной обители вымоленное князем Василием Темным прощение и клятва, снятая деньгами... Леднев, наоборот, написал драму не так давно, а события 150-летней давности. В центре пьесы - сумасшедший нищий, который ничего не делал, кроме чудес (историческое лицо).

Что касается пьес, так тут есть новое имя - «Спаситель или сын челоувеческий» Елены Беляковой, ее переводы Жоржи Амаду с португальского, например, «Капитаны желтого песка», она же перевела Эдилберту Коутинью «Марракана, прощай» и другие истории о футболе».

Стихи и дневники Яшина в комментариях не нуждаются, это честнейший человек эпохи, подтвердивший гибельность писательского ремесла в Вологде. Яшин рассказал, как построил дом творчества себе и людям, но потратил на это последние силы, их не осталось для литературы.

Самая живая книжка в этом тяжелом жанре - «Сюрприз» Мартыановой, написанная недавно, повествующая о современниках. Маленькие добрые рассказы, устное народное творчество плюс этическое поучение, плюс немного юмора.

Стихов - стихия

Стихотворный жанр сегодня наиболее распространен среди вологодских и не вологодских авторов. Из известных - Лидия Мокиевская «Свет синих небес» (сонеты, восьмая ее книжка после «Заколдованного снега», 4-серийных «Мимолетностей», «Незавешенного окна» и «Волшебного луча»). Поэтесса совершенно народная, человек такой же ясной светлой души, как и ее стихи, оставляет город Кадников и переезжает на родину в Белозерск. В этом смысле Кадников понесет сильную утрату, а Белозерск, видимо воспринмет от литературного сна.

Из новых имен - Олег Голенков - «Я к моложским закатам вернусь», Леонид Юдников - «Морское братство», Антон Порозов - «Листья и листы», Константин Козлов - «Крестный путь» и Римма Рожина - «Мед польнный». Римма - наиболее яркий автор в этом перечне. Юрий Малоземов: «Женская литература сейчас сильнее».

Все в дело пойдет

Лоскутному шитью уподобила свою первую книгу Галина Макарова, которая включила туда и лирические этюды, и гневные отповеди, и подчас невеселые, с социальными нотами, размышления о жизни. Впервые она читала свои стихи на заседании литАРТели «Ступени» в Пантелеевском домике весной 1997 года, летом прошло их фронтальное обсуждение («чуть до инфаркта не довели»), потом стала активной участницей заседания литО. Фокиной в ОНМЦ. Итог первого рывка в литературу, итог почти всей жизни - это ее книга в издательстве «Евстолий». Будем надеяться, не последняя.

Ноты - они в душе

То, что «Евстолий» любит детей - это уже понятно, но о том, как он любит еще и музыкальных детей, говорят его нотные альбомы - «Глебочкина музыка» В. Мельниковой и «Летний дождь» Е. Озеринниковой. Это вам не «ля-ля-фа-фа», а настоящие академические издания, не хуже романсов Н. Сидоровой. Визитная карточка издательства.

Наша служба и опасна, и трудна

Вообще издатель Юрий Малоземов и так травмирован напльвом авторов, а тут еще также опасная служба пожарника. По причине травмы его руки в издательский процесс активно включилась жена Ольга, успешно освоившая профессии верстальщика, фальцовщика и брошюровщика.

Тамара Сизова,
специально для альманаха СТРЕКОЗА

Виктор Кичкарев

Девочка с шаром

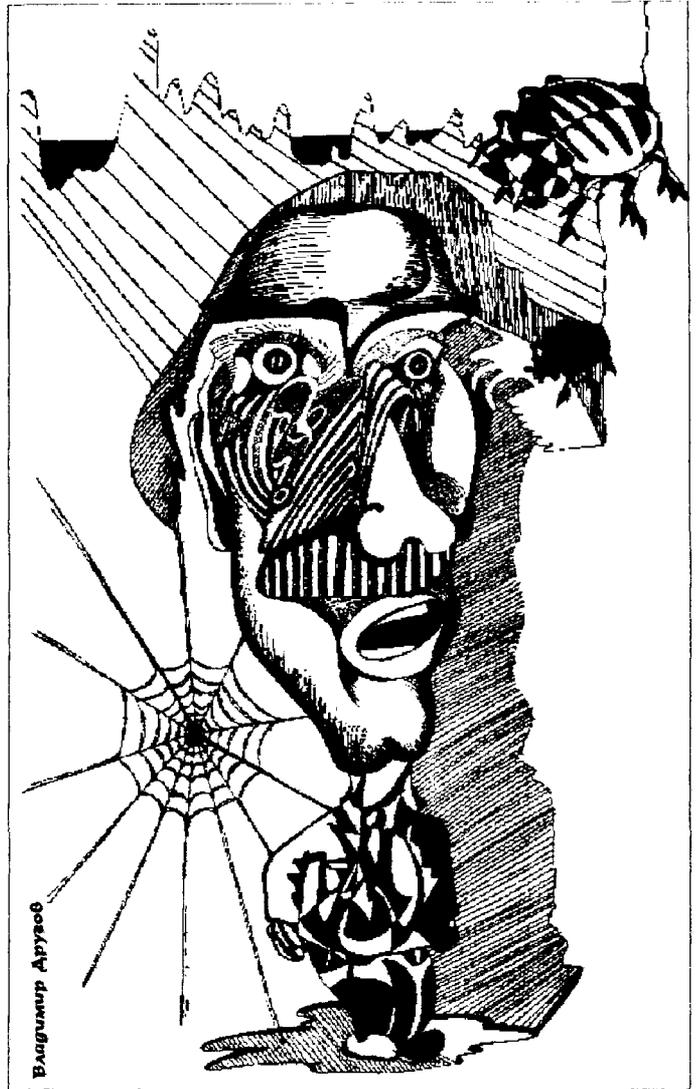
Вечер и море.
Девочка с шаром.
Душит одежда.
Грозит пожаром солнце.
Дымятся птицы у воды.
Спасение от боли и от солнца -
в омут с головой,

- Бул-л-тых -
и я уже не злой.
Не буду думать о плохом,
Не буду думать ни о чем,
Вода залилась в уши,
На небе фиолетовый мазок,
А девочка в веснушках
С огромным шаром, как больная
Играет и не замечает никого.
Я легкий, я, как поплавок,
Меня качают волны
Туда-сюда.
Зевнул и отрыгнул соленой пеной,
А ветер тучи нагоняет
На смену безмятежным облакам,
Я тужусь, я кричу надрывно по слогам:
«На-гаш-ка!» - нет, не вам, а ей,
Вон той, что с шаром.

«Маринка!» - не слышит,
Эх, все даром,
Не буду хвастаться своим загаром,
А лучше поплыву на Буй -
Какое буйство красок - знай рисуй!
Я - не художник,
я - буян с баяном,
- Как жаль»

«Свет-ка!.. Зина!
А может И-за-бе-э-элла!»
Вот смотрит,
Одевается, уходит
и точка.
Черным-черно и солнце село в воду,
Пойду я пить вино.
Проклятая судьба, тебя я изловлю,
Как ни крутись, а все равно
Узлом завязана ты будешь,
И слезы в три ручья текут,
И ноги в кровь разбил о камни,
И мокрой головой в песок,
руками воздух ударяя.
Мне ничего не остается.

УРА!

Звезда упала, я желание
Очередное загадал,
Оделся и вприпрыжку
Хромым уродцем побежал
В иллюзии, в другое измерение

Ура!

В летнем парке тихо скрипнет
Прошлогодня калитка,
Липнет грязь,
сглотнется шум
городского безобразья,
Вы - одной ногой в Европе,
А другою - в Азии

В Азии оказии кончаются трагично -
Голову долой!
Так драматично
И
Увы

Ходите вы без головы,
Чем заурядно и позорно
Стоящая на глиняных ногах
Сентиментальная Европа -
Подслеповатая свинья,
Ни Конь, ни Як -
Свинья-копилка
Я - шизофреник и маньяк
Стреляю целую обойму
Прицельно в брюхо, как во сне,
Во все лады гундят нестройно
сирены,

Небо покраснело
В Азию несмело
С опаской в заросли шагаю,
Так тихо -

Стынет кровь,
Я не знаю ничего,
Все,
Все вновь,
Ура!

Био

Цветы вянут со временем
И вода в вазе превращается в болотце,
В ней поселяются микроорганизмы,
Размножаются,
Стареют и умирают, рождаются вновь -
Это не любовь -
Это физиология.
Неологизмы складываются в пирамиды,
Афоризмы валяются из карманов,
Карма ухмыляется, но боится.
Веселиться поздно,
- Радоваться - рано,
В Тартарары-черную дыру,
Близко-далеко-не-страшно,
Африка совокупляется с Южной
Америкой сидя на Европе.
Эпидемия холеры -
Это плохо,
А может быть полезно?
Вода высыхая превращается в пар,
Мы пар не видим, но он воняет.
Цветы сохнут,
Значительно уменьшаются в размерах,
Теряют вес, цвет,
Становятся серыми,
Скрученными головешками.

Первые шаги в Биологии
заканчиваются падением в яму.

Путешественники

Брызги и гром,
отдых измученный,
Тысячеваттный звериный рев,
Лес, как преступник,
лианами скрученный
И водопад нам в лицо плюет
Неба прозрачней не видел нигде я,
Жарится солнце в сковороде,
Будто в кино, или в музее
Идолы в камне, морды злодеев
Копья в руках у туземцев безумных
Напоминают про детство шальное,
Пятиэтажные бритые будни,
В чаду алкогольном, сопливой зимою
Трусливо глазами вращают чумазые,
Их территория - мы посторонние,
Жалко убогим красивых алмазов,
Не менее жалко шкуру драконюю

Когда умирает любовь

Дождик кап-кап -
Мертвая тишина,
Копошенье жаб -
Это осень, это не весна
Весною - бабочки,
Летом - стрекозы,
Осенью - дохлые козы,
Больные коровы
И злые собаки
И кошки
в мусорном баке.

Ну что же, раз так,
Выходит, что я - дурак
Но это не ваша победа, увя,
Скорей это ваша беда! На головы вам
каменьев слова,
В газетах - я диктую права,
По радио - Я песни ору,
Вы мечите,

а Я ем вашу икру!

Фразы, как петли,
А ну залезай!
Я - Джек-Потрошитель
И я же - Мазай,
Эй, зайцы, - садись ко мне в лодку,

а то

Дуну в свой желтый вредный
свисток!

Не думайте, что
Вам удастся прожить
Легко...

Вальтер защищает Сарасво

Вальтер защищает Сарасво,
Мартин любит Кинг-Конга,
Иванов упал на рельсы,
Кальтенбрунер пьет портвейн
Стефан выключает свет,
Клод чирикает бездарно,
Вольф почти Шварценеггер,
А Мухин любит любить
Вот стоят дома тупые,
Между ними всюду люди,
Справа - солнце, слева - море,
У меня в руках орудье
Пушка, адская машинка,
Безотказный пистолет,
Имя пистолету - Вальтер,
Мы с ним тезки и друзья
Мимо нас глядит в пространство
Тупо машет кулаками
Краснолицый толстый Мартин,
Сам здоровый, как Кинг-Конг
Он не любит Иванова,
Иванов - фуфло и тряпка, -
Он курчавую башку
Смело в кровь разбил об рельсы
Но веселый пессимист
Празднопьяный Кальтенбрунер
Смотрит в книгу - видит Космос
И со мной он солидарен
Стефану мешают спать
Все безнравственные кошки
И ученые маргышки,
И все мышки -

переростки

Клоду лучше - он не спит,
Он влюблен безумно в Вольфа,
Но целуется с Вахтангом,
А имеет лишь Маринку, -
Безотказная душа
Мартин пьет на брудершафт

**ZANUDA
ZANUDA**

«Эпанаев или Пропа-
наев?» («пан или пропал»)
- хочется спросить уважа-
емого поэта и обществен-
ного деятеля г. Череповца
Игоря Эпанаева, пролистав
несколько номеров юмори-
стического журнала «На-
халенок». Здесь есть и об-
щероссийские дразнилки, и
местные, сотрудничают с
журналом известные чере-
повецкие литераторы В.
Хлебов и Н. Кузнецов, мо-
лодые и резвые студийцы
В. Элефантов, Т.Таренович.
Почти у каждого автора
есть своя страница, что по-
зволяет узреть своеобразие
его творческого лица. Есть
в этом небольшом по
объему журнальчике и об-
личение пороков, и безобид-
ные хохмы, и политика, и
детские частушки. Не ис-
ключены и письма простых
читателей, и их рисунки,
хотя художники-карику-
ристы работают на хоро-
шем уровне. Редактор (В.
Данилов), видимо, сумел до-
биться финансирования.

Поистине радуешься
за Эпанаева, который пи-
шет и публикуется, купаясь
во всей этой солянке, ком-
ментирует, обрамляет, а воз-
можно, даже получает за
это счастье реализации та-
ланта человеческую зап-
лату. Однако Эпанаев стал
лидером молодой черепо-
вецкой поэзии не только
благодаря частушкам. Чем
отличается частушка от
эпиграммы? Темой. Талан-
том. Формой. Выйдя из под-
полья, Эпанаев побледнел и
увял подобно сухому гри-
бу. Увидит ли его читатель
прежним - высокомерным,
остроумным, недостижи-
мым?

Соб. инф.

И сидит у Вольфа дома,
Он его давно боится
И задушит,

все в порядке
Только Мухин самый глупый,
Делает любовь со всеми,

Дамы для него - объекты,
А он любит их бомбить.
Мартин - Кинг-Конг,
Иванов - погиб,
Кальтенбрунер - спился,
Стефан доволен -
Клод спит со Стефаном
Вольф, таки, ест сырое мясо,
Мухина ловит Вахтанг,
А Вальтер защищает
Сараево.

Кто с кем?

Остаются с вами
И тоска, и пиво,
Мокрое огниво
Остается с вами.

Остаются с ними
Шпаги и доспехи,
Шлюхи-неумеги
Остаются с ними.

Вот уже устали
Злиться Мумми-Тролли
И серьезно сбрендил
Бывший алкоголик

Он и не остался,
Но и не уехал,
С вами попрощался,
С ними - без успеха, -

Ничего не вышло,
Только стало хуже
И она все слышала,
И хотела Мужа

Муха заблудилась
У него в кармане,
Вот и перепутал
Он водичку в кране

Можно ли придумать
Более нелепей
Тухлой вязкой жижицы,-
Выпей долголетие!

Кипяток в кастрюльке,
Льдинки в рыбьих глазках,
А Иван-Царевич
В старых добрых сказках.

П...ц,

или поэзо-футуристические нотузи

«Я тужусь...»

В. Кичкарев. «Девочка с шаром.»

Ожерелье цербера

Экологическое неблагополучие наше-го «стального» соседа приводит к возрастанию в Череповце случаев разного рода человеческих отклонений как физиологического, так и творческого характера. Нельзя утверждать, что отход от нормы - это всегда плохо. Человечество знает множество полезных мутаций. Чем плох пример с прямохождением у человека? Но количество уродств, к сожалению, превышает число улучшений.

Произведения череповчанина Кичкарева не относятся в числу удачных последствий выбросов металлургического комбината. В первые секунды знакомства со стихами поражаешься смелости и свободе автора - классно выпендривается. А если к тому же становишься зрителем небольшого шоу, авторского исполнения творений, то попадаешь под действие черной магии шаманствующего поэта. Взмахи руками, ритмичное покачивание корпусом, живая мимика, неожиданные паузы, быстрая смена интонаций вводят окружающих в легкий транс. Но, сбросив дурманящие чары, понимаешь, что «король-то голый», что перед нами очередная попытка раздуться до размеров приличного поэта.

Автор демонстрирует творческое бессилие (импотенцию): *хочет* сказать, но *не может*. Господин Кичкарев, к примеру, пытается донести до человечества следующую «гениальную» фразу: «Таёт, как сахар, в очередных порциях-пинтах умного варева, поглощенных твоею нежной, пылкой, пытливой, на губку похожей душой.» Содержание замечательное, а как объемны, новы, выпуклы «жемчужные зерна»: «порция-пинта», «умное варево!» Настоящий кайф! Но не в силах поэт, не может он справиться со словами, или лексического запаса не хватает. И получается, что жемчужины содержания бесславно топят в навозе формы:

«Таёт, как сахар
в порциях-пинтах,
Очередных
поглощенных тобою,
Умного варева
нежной душой
Пылкой, пытливой,
на губку похожей.»

- Разбирайся, читатель! Я насрал, а ты разгребай.

Автор идет на поводу у прущего вдохновения, не задумываясь об элементарной отделке стиха. Конечно, можно возразить, что поэт - ретранслятор поэтического бессознательного бреда, а читало-слушало-лопухатели пусть ищут глубинные смыслы божественных откровений новоявленного пророка. Да, возразить можно, но в этих стихах отсутствуют бездонные озера смысловой нирваны. В пьяном угаре набросаны кучей вещи-строчки. И все! Такое ощущение, что в текст вставляется первая пришедшая в голову рифма: кровь-любовь, ты-красоты, нет-секрет; причем, автора не слишком интересует смысловая совместимость фраз, в крайнем случае, можно попытаться притянуть слова друг к другу за уши, надеясь, что при исполнении стихотворения перед публикой удастся ослепить зрителей эпатажностью чтения:

«Реальность уникальна, иллюзия - позор,
Не надо, не учите, я ведь багдадский вор,
Давно уже болею, смотри, могу убить,
Уйди, с дороги, сука, и не мешай любить
Пельмени, пароходы, огромные шаги.
Я буду Дядей Степой - кидайте утюги.»

Чтобы как-то вытянуть стихотворный размер и не очень запинаться на корявостях, г-н Кичкарев прибегает к старому задушевному способу, спасая положение частым употреблением замечательных слов: вдруг, ведь, уже, вот и т.д. Особенно неравнодушен поэт к слову «весь», которое, по замыслу автора, должно подчеркивать галактическую значимость кичкаревских опусов. К примеру, в стихотворении «Феминизм» «весь» употреблено четырежды, «Реальность и иллюзии» - четырежды; «Мальвина выбирает грохот», «Лесник», «Страсть», «Ура» - трижды; «Девочка с шаром», «Я и она», «Душа», «Партизанос» - дважды.

«Вся рожа в траве:
«Испачкалась, сука?»
Но все же хороша»
(О.А.)

Об основных замечаниях, пожалуй, сказано. И было бы крайне несправедливо только минусовать творчество г-на Кичкарева. Резко выделяется отменным качеством формы, глубиной содержания, интересной продуманной композицией стихотворение «Искатели плода», которое хочется читать и перечитывать. Понравилось динамичное описание экзотики в «Путешественниках», неплохое начало у «Желтого смеха» (греют душу строчки оттуда: «Смех желтеет постепенно в уголках и складках рта...»), интересно описание чувств в «К.Н.», правда, убивает напряжение оборот «увеличивающая мою жажду».

Сделав ряд критических замечаний, пора переходить к некоторым теоретическим размышлениям.

Когда читаешь стихи любого нового для себя автора, начинаешь автоматически, почти бессознательно, сравнивать, искать аналогии. Стихи Кичкарева бесспорно следует отнести к футуристической традиции нашей поэзии. Причем, среди многообразия и разношерстности ее данный автор ближе всего стоит к кубо-футуристам. Попытаемся доказать:

а) Для поэзии Кичкарева характерны космические, вселенские мас штабы.

«Африка совокупляется с Южной Америкой, сидя на Европе...»

«Я буду пить этот мир,
я буду есть его и плясать на облаке Джигу...»

б) Направленность на себя сквозит в каждой строчке, одно из стихотворений так и называется «Эго-истенционализм».

в) Стихи Кичкарева митинговые, они требуют читки вслух и теряются при переложении на бумагу.

г) Для автора представляет интерес постоянно эпатировать публику. Для этого нужны матерные слова и утверждения типа «Я - шизофреник и маньяк». «Ладошками вспотевшими запрятали меж органов и стали ох...евшими»

«Хочу трахать служанок пугливых
И кормить сенбернаров игривых...»

«...А в голове такое «Ура!», что еб...нешься...»

«Рвется, как когда-то платье
Королевы-лесбиянки...»

д) Для стихов характерна нигилистическая направ-

ленность, критика общества, особенно в стихотворении «Единорог».

е) Во многих стихах используются необычные метафоры и сравнения, излишне усложнен образный строй языка, нарушается, часто неоправданно, последовательность слов. Как говорится, наворочено.

«Ребята о курке мечтают,
Девочки - о кнопке,
Которая внутри Мальвины,
Спряталась, как в роботе.
На ней поставлен жирный плюс
И минусом на хоботе
Написана отметина.
А встретятся - пойдет слеза,
Диеза вся обреза
Кровоблудная гроза...»

ж) В текстах делаются постоянные попытки создания неологизмов: лунно-габаританы, псевдоокультуренный, фалло-умменький.

Выделенные черты поэзии г-на Кичкарева позволяют отнести его вирши к довольно слабым попыткам подражания кубо-футуристической поэзии первой четверти XX века. Может быть, есть резон сопоставить сборник-манифест кубо-футуристов «Пощечина общественному вкусу» и данные стихи.

Лозунгом творчества Кичкарева, я думаю, следует объявить слова Маяковского: «Я ухо словом не прivity ласкат».

Поэт постарался встать в один ряд с Бурлюками, Каменским, Хлебниковым, ранним Маяковским, Алексеем Крученых.

«Выпало колесо -

Всех растрясло.

Лихорадкой и громом,

И к жизни вызвало,

Харкнув в тундры

Пронзительной кровью цветов.

- У-а - родился ЦАП в дахе.

Снежки - пах-пах.

В зубах ззудки.

Роет яму в парном снегу...»

А. Крученых «Зима» 1926 г.

Да, встать в один ряд можно, но стоит ли?! Хочется надеяться, что это только ученичество, и мы еще заговорим о большом поэте, идущем своей дорогой; о поэте, ни на кого не похожем; поэте - Викторе Кичкареве.

А на мои нападки он уже ответил:

«И это послужит хорошей платой
Всем тем гадам, пузатым и лысым.

Пусть размышляют над стихом моим,

Ищут смысл!

Я бескомпромиссен.»

Тем более, что мне очень нравится высказывание Велимира Хлебникова: «Я намерен сказать, что не следует отвергать творчество, если оно непонятно данному слою читателей.»

Вологда,
июль 1998 года

Роман Куфтырев

Звездная система -
Словно теорема,
Золотые мысли
В космосе повисли.

* * *

Если ночью после романа
Встретишь юную красотку
Проводи ее до дома -
Может гост тебе на водку...

Павел Тимофеев

ЧЕЛОВЕК-ТАНК

Пули, снаряды, мины,
Ружья, посуда, газеты, ракеты.
Все пролетело мимо.
Жизненно важные органы не
защиты.

Разрушенья ничтожны:
Совест, любовь, разные, там,
идеалы;

Без чего вполне можно
Двигаться дальше, не
ввязываясь в скандалы.
Чистит мотор лучше в боксе
От нагара эмоций и
впечатлений.

Дабы не было вовсе
В маршах дальнейших даже
малейших сомнений.

И перископом-взглядом
Местность сканировать,
предупреждая:

Женщины! Рюмки с ядом!
Подъем оружия! Готовность
полная и боевая!

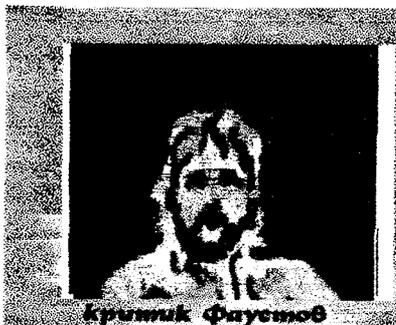
Жорж Вангышев

В огороде у окошка
Он стоял с пустым лукошком
Не собирал картошки,
И во рту с утра ни крошки.
Подождал спросить окрошки
Или супа поварешку -
Раз уж впору кушать мошку
Цап улиток брать за рожки.
Шла по крыше важно кошка,
Вылизав сметаны плошку.
А на небе месяц-брошка
Черпал звезды желтой ложкой.
Вытянул худые ножки,
Губы растянул в гармошку -
Там в светелке за окошком
... Девки меряли бюстгальтер

«СТРЕКОЗА» - ТИМОФЕЕВ

Стих напишет Авербух.
Я же просто Винни-Пух,
Мне побольше и без хлеба,
Я покушав прыгну в небо.
Соберу в карман все звезды,
Напишу рассказ серьезный.

Критик Фаустов

Хороший парень Даниил
Умен, талантлив, весел, мил.
А если кто-то скажет: «Плох!»,
То я вздохну: «Ведь он не Бог.»
Когда б поэтом был бы Бог,
То каждый критик был бы плох.

Я Наташу люблю изучать на досуге
«Линолиновый блюз» я читаю подруге.

Сидись, подруга, со мной рядом
Тебе «Харизму» почитаю,
Ну что ласкаешь хитрым взглядом?
Сергея любишь? Знаю, знаю.
Михалыч - критик то, что надо,
Я сам ему ужасно рад.
Ты хочешь быть всегда с ним рядом?
Ты опоздала - он женат.

жена критика Фаустова

Дружеские шаржи
поэтические - Роман Куфтырев
визуальные - Сергей Фаустов

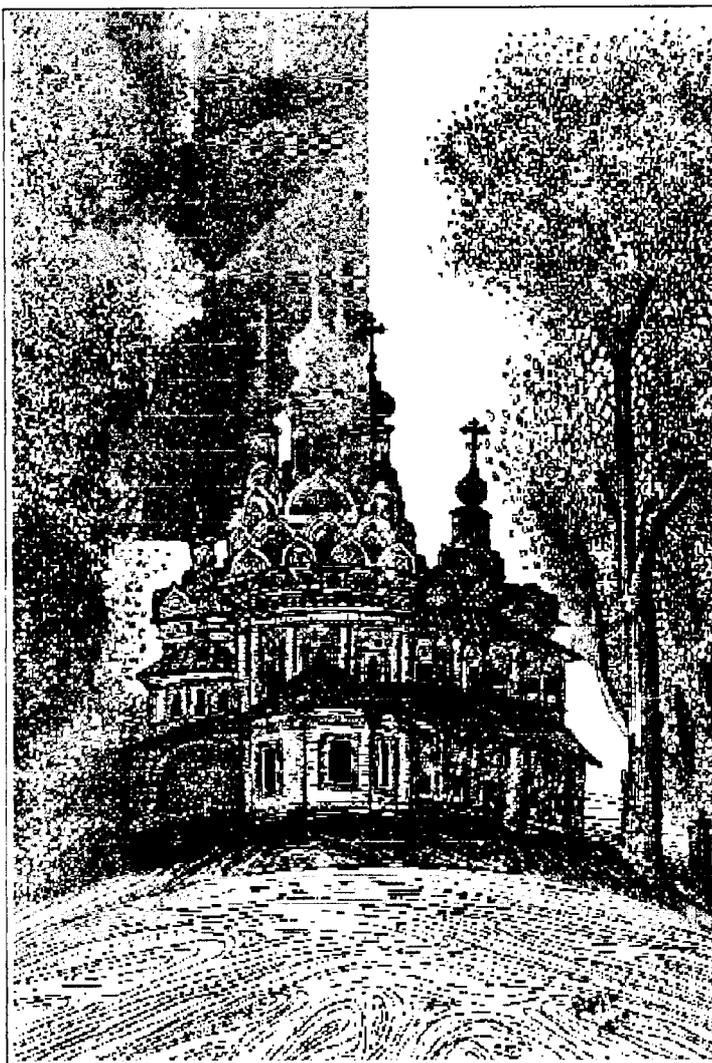
Вологодский литературный альманах «СТРЕКОЗА» ищет авторов, художников, рекламодателей, добровольных помощников и просто друзей.

Любые вопросы можно решить на заседаниях литАРТели «Стрекоза», которые проходят каждый четверг в 18.00 по адресу: г. Вологда, ул. Орлова, д. 6 (Здание ФТТУ).

Адрес для писем:
г. Вологда, ул. М. Ульяновой,
д. 1 (Областная библиотека
им. Бабюшкина), БОСРП
(«СТРЕКОЗА»).

E-MAIL: TRANSMIT @ VOLOGDA.RU

Рукописи рецензируются и возвращаются.

Редактор – Наталья Сучкова

Набор и верстка НС-арт

**«СТРЕКОЗА» благодарит за поддержку
издательства «Свеча» и «Евстолий»**

В оформлении использована графика В. Другова, С. Фаустова,
Н. Черкасовой, О. Маркевич.

На 1, 3, 4 страницах обложки работы В. Другова.

Первыми читателями альманаха «СТРЕКОЗА» стали:

Ю. Малоземов - № 1

О. Кузнецова - № 2

Е. Волкова - № 3

Д. Романенко - № 4

А. Файзов - № 5

Экземпляр № _____

© «СТРЕКОЗА», 1995

К.В.К.

Вот и пришло оно -
твое время испугаться за меня.
Пожелай мне счастливого пути
в
эту
бездну...

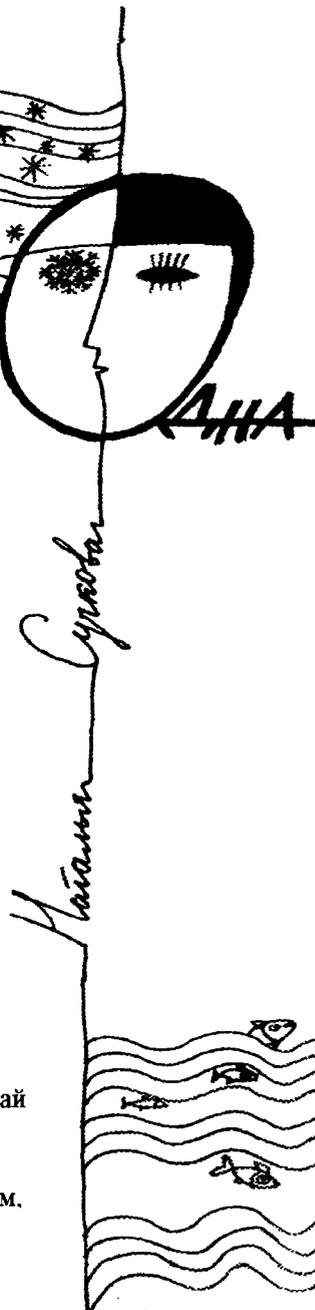
Только чужие стонут мне песни
Только чужие
В кулаке - мозоли, на сердце - плесень
Как быть, скажи мне,
Когда на апостроф в зеленой траве
Окажется просто - меня больше нет
И в черной воде своих мне не петь
И в белой земле
И можно хрипеть, задохнуться и плюнуть,
Но клены кивают и прятают клювы
Подмышкой у голубей
Чужой мне песни налей!

Не важно в какой постели
проснется моя тоска
И мир не такой уж бездельник
Умеет стучать в висках
А пальцы в узлах зачем-то
Зачем-то узлы туги
но их не понятен учебник
И - буги - вуги - не зги
Не важно в какой постели
моя околеет душа
И будет опять понедельник
и будет земля хороша
Зеленым кружа и контузя
прекрасна - беги - не беги
Лишь пальцев развяжется узел
И - буги - вуги - не зги
И рифму найдут засранцы
На буги - вуги - не зги
но в петлю затянутся пальцы
На горе моей тоски

Не дай зажить -
схвати, держи!
~~Хоть тем, хоть этим~~
~~Хоть собой, хоть тростью~~
Бычок ~~бьется~~ -
Земля кончается
А то вдруг
Я унаду
А ты друг
Останешься тут
Мерить потом
Небо ртом
Воду взмахом
Землю прахом
«Пошел ты!» - ахать
«Останься!» - охать
В воде по локоть
В земле без вдоха
И в небе плохо
А я - твой омут,
твой большой ломоть
Еще вспомнить!
Блином, комом!
пустить корни
в твоей прорве
но то - больно
еще не легче
в реке-речи
Держи крепче!

Я прошу тебя - не умирай,
Солнце зайчиково!
Видишь, бесится бледный май
Парашютами одуванчиков
Видишь, мается юный мир
Этим маево-желтым маревом,
Но, нацеленные в эфир,
Вижу... видела - умираемы
Эти пики колючих глаз,

Волга Не-арт

Эти венчики,
Весь игольчато-хрупкий каркас
Человеческий
Запредельностью запряжен
И не выплакать!
Просто остов уже сожжен
Чьим-то выканьем!
Вечной слякотью старых вин
Не потушится!
Чьим-то вяканьем и моим
Равнодушием

А пойти мне некуда
и три буквы заняты
Шоколад ореховый
кареглазой завязью
под родными веками
молодой да раненый
умирает блеклыми
в голубые крапины
Это небо капало
мне в ладонь закашлявшись
черно-белой паклею
от ресниц оставшейся
и закат покатится
на нечет и четный
замирая платищем
и моля о чем-то
на коленях сладко ли
слыть шутком гороховым
по углам да ватками -
от локтя оторваны!
эти вены вздутые
это горе - луково
под решеткой уткою
стонет вечным пугалом
всем и проклятием
и отцом Романом
Руки к солнцу - «братия...»
только рано рана
Но терпеть мне некуда

и опять зачеркнут
флаг мой белый-беленький
голубым и черным

Рассыпала волосы в бессилии по раненым плечам
Не мои - не гнется волос, не курчавится
И упала капля синия в ладонь мне горячая
То душа твоя с душой моей прощается

Тяжело ли траве и также ли как и мне
Тяжело ли тому, что укрыто под этой
травой

И когда прокричат: отвечай же,
чем любят оне!

Я подумаю сердцем, но покажу другое.
Я хочу понимать как растет она - эта трава
Чтобы знать, от чего смущена твоя тяжесть
и неба безбрежность
и когда они спросят: кто выставил мир из ума?
Я отвечу наречьем, наречие будет «нежно»
Есть закон тяготенья земного - нелепый закон
есть привычка летать и привычка садиться
на камни

И когда они спросят: что сделалось
с миром потом?

Я отвечу глаголом, глагол этот будет «падать»

Земля удивляться да не перестанет
Когда на ладонь ее грудью упавши
Мы будем тихонько лежать под листьями
Записанных нами страданий вчерашних
Кружатся моря, города и деревни
Как тысячу лет они раньше кружили
Мы будем почти что большие деревья
Когда они были еще небольшие
И в этом кружении не новостью падать
В зеленый огонь нас охапками сносят
И снова останутся ждать листопада
Который опять таки каждую осень

Ах, смаградом сманитесь, смахните слезу
Удивительный день удивителен тем же,
чем судьба удивленно моя безмятежна
В смелом выкрике сосен моих: «Обессудь!»
И собирая шаги обесцененной данью
Неуверенный путник заблудший в пути
Мне под белой травой не найти оправданья
Мне под черной водой ничего не найти
Из неструганных досок моя каравелла
Все плывет под землю с землею в горсти
Оглянитесь, прислушайтесь - мир не доделан
Пожелайте оставшимся с миром уйти

Дымом шашлычным пахнет
тлеющей рыжей паклей
в даль уходящих по капле
дымных больших облаков
мы нагло вато как ситец
смотримся в этом спектакле
где тяжелеет бархат
в бежевый снег мотыльков
Кланяйтесь - ваше величие
с прыг-скак походкой птичьей
Нам ли блюсти приличия
личико Гульчатай
Ах, мотыльки последние
не допустите петлю нам
хочется быть столетними
и говорить: «улетай!»
За этим глупо-ситцевым
Тоже почти что птицами
Боже, почти что с крыльями
мыльным смешным пузырем
и раздуваться от ужаса
от голова закружится
и от отсутствия кружева
в слове последнем: живем!

Я вымерзла. И пиво не берет.
Да и вообще смешно - согреться пивом
И ожидать от здешних луж отлива,
и замирать, что вот он прорастет
Ячмень сквозь губ сиреневую мякоть

Смешным зеленым, и не то чтоб плакать,
А так - замысловатые снежинки
На паутине глаз копить в углах,
что некому сейчас сказать: «скажи-ка!»
что некого подергать за рукав

От того, что такие все умники - сидят по углам

И на Лобном месте и в кресле в клетчатых

пиджаках
Но еще спускаются рыбы и тянут морды к воде
Не умеют глупые небом дышать никак
А пойти погулять - так ни света там, ни тепла
Но собаке хочется - собака меня важной
И вчера гуляли и завтра будешь зима
Все уныло бестактно - снежата, трамваи-солны
Жизнь проходит - будет мне - холода
лизать, зачем?
Разберись, прислушайся - ричице кричат
к чему?

Листья коки жеваны - хватит
поэм!

Человеку много ли - строчку согреть ему

А мне луна светит
тепло на белом свете
а я смотрю зверем
и думаю: успешно
еще нажиться в ладонь
а глаз луны - вдовый
никто меня не вспомнит
ни злым ни добрым словом
а мне луна светит
подковою из сплетен
а я смотрю в петлю
как лик луны бледен
а мир белым-белый
лишь только там слева
мои набухли вены
неправильным припевом
мои набухли почки
луна в ночной сорочке
над телом белым свохчет
в последней этой сорочке

20 =

1999

